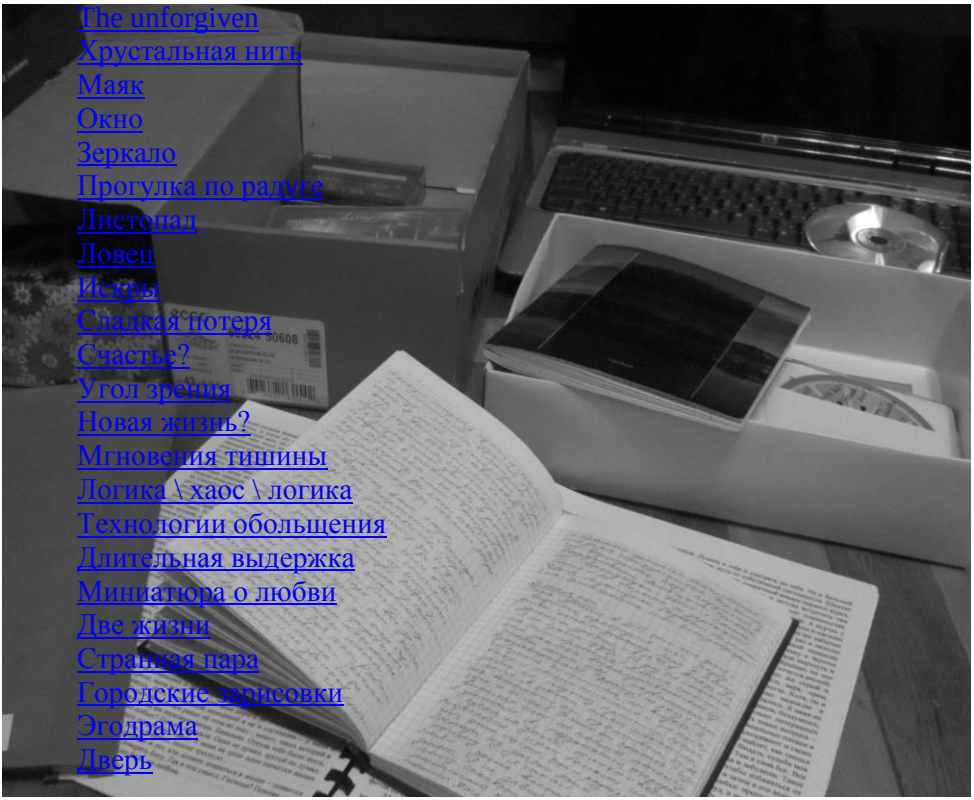
неправдивые истории



The unforgiven
Хрустальная нить
Маяк
Окно
Зеркало
Прогулка по радуге
Листопад
Ловец
Искры
Сладкая потеря
Счастье?
Угол зрения
Новая жизнь?
Мгновения тишины
Логика \ хаос \ логика
Технологии обольщения
Длительная выдержка
Миниатюра о любви
Две жизни
Странная пара
Городские зарисовки
Эгодрама
Дверь

The unforgiven

1.

Перед тобой закрытая дверь. Ты надеешься, что, открыв ее, увидишь солнце, от которого долго прятался. Открываешь – туча воронья в лицо, крики, издевательское карканье. На миг ты забываешь, что жив. Черные птицы оглушают, ослепляют, душат…

Проснись!

Вмиг все стихло. Не успел отплеваться от перьев – дверь снова захлопнулась, а стая сумасшедших птиц, которых выпустил на волю, непостижимым образом исчезла, будто вплелась в темноту.

Задыхаясь от обиды и слез, ты отвернулся от закрытой двери. Что же ты такого сделал? В чем твоя вина?

Ты говоришь в пустоту. У вас на двоих одна жизнь – час света, а остальное – ночь, и все вы делите пополам. Пустота таит надежду, но вокруг так темно, что не различаешь, насколько все пусто…

* * *

Семь часов утра. Сон рассеялся, словно синий туман. Тень луны застыла на слезном небе. Ты, словно призрак, идешь по спящему городу. Его скелет вырисовывается все отчетливее…

Один и тот же сон каждую ночь. Холодно и пусто внутри. Дрожь по телу. Соленые слезы падают с небес и остывают на лице.

Ворона с карканьем прошелестела над головой. Прямая дорога впереди – иди. Пара полупустых маршруток навстречу – отойди к обочине. Жить надоело?! Не знаешь - не жил…

Интересно, у тебя есть другие джинсы или другая рубашка? И не холодно в любой сезон так одеваться? Ты когда-нибудь стрижешь волосы? Что же в твоей жизни такого, что готов плевать на остальное? У людей много вопросов к тебе. Нет желания отвечать – еще один недоуменный, презрительно-снисходительный взгляд. Ребенок? Старик?

Тусклое солнце в городском дыму нелепо смотрится в этом искусственном мирке. День вился кольцами, жизнь наматывала на себя, город душил, сон не отпускал, память лопалась. Просто работа. Просто деньги. Надо же что-то делать.

Дома вечный бардак. Крохотная комнатка, обрывки обоев на стенах. Надписи и росписи друзей, любительские рисунки с претензией на талант… не твои ли?

В эту комнату никогда не заглядывает солнце. Здесь не застилают постель и не убирают одежду в шкаф; не раскладывают диски в алфавитном порядке – едва ли их выкапывают из кучи книг на полу. Много хлама у окна. И все равно безлико, неуютно и грязно. Серый медлительный компьютер. Недопечатаный стих, недорезаный диск, недоделанный проект, незаписанное соло… недопитый чай в кружке на столе. В нее страшно заглядывать.

Вскоре набежали какие-то люди. К тебе пришли или от нечего делать? Горстка бездельников! Только и думают, где бы провести вечерок за «дружеской полемикой» на темы, в которых не смыслят ни шиша, но любят разглагольствовать, бросаясь красивыми словами.

Перекличка мыслей – музыка из сердца, голоса из вне. Столкновение. Гнев закипает в душе, но ты терпелив. Ты научился владеть собой. Бог

знает, чего тебе это стоит. Эти люди забудут тебя через день, если сдохнешь под забором. Они даже не помнят день твоего рождения, почти живя радом. Залезли с ногами в твою судьбу. А ты устал. Оказалось, не о том ты мечтал…

Ночь не спасет – они не угомонятся. Ты пишешь стихи на кухне. Там тебе не мешают любоваться луной и мечтать. Ночь манит своей непознанной, таинственной красотой и глубиной. Она представлялась тебе красивой женщиной, одетой в черное, немногословной и изысканной. Бледное лицо, прекрасные черты, плавные движения… похожа на тебя.

Луна завораживает. Будто хватаешь ее лучи, чтобы записывать ими стихи…

Ты думал о ней – о той, кого лишь однажды видел во сне. Ты рисовал ее в сознании, не определив до конца внешность. Она где-то здесь, рядом с тобой, но ты не знаком с ней.

Наверное, она, как и ты, сейчас одна, любуется луной и пишет стихи. Ей тоже тяжело, она тоже что-то ищет, задыхаясь от разветвления дорог и собственного мира. Она за что-то борется, разрубая тьму, но усталость сильнее. Ее стихи как молитва. Что ты можешь дать ей? Такую же ненадежность и свой ад в придачу? И все-таки вдвоем проще, чем поодиночке. Поэтому ты мечтал.

Когда-нибудь ад закончится. И сменится другим. Но ты будешь рад перемене. Любой. Хозяин мира сего добрался до вас, и только Бог знает, когда вам суждено встретиться…

2.

Снова дверь. Ты взглядом срываешь замок.

- Я сам найду тебя, если не захочешь прийти! Я не знал, кому дарить любовь – полжизни впустую!

Опять крик в пустоту?

- Я пытался сделать чужие жизни лучше, но собственная раскололась на куски. Создавал то, что никому не нужно. Искал, но находил только боль. Бежал – оказалось, от себя. Я похоронил в тебе ключ от двери на свободу!

…Она будет здесь, когда тебя не станет. Будет единственной, кто вспомнит и помолчит о тебе. Она придет. Рухнет стена, и в лучах сияющего солнца она придет, только верь…

* * *

Багровый рассвет. Дым облаков. Любимый красный и серый – все как ты. Лед и пламя.

Струна, как натянутый нерв, канат над пропастью. Что-то вертится, пляшет на кончиках пальцев, но ты не можешь сбросить с рук. Волну новой боли, агрессии, депрессии. Серый дождь, тихая грусть – болото в заброшенном саду, вбирает, втягивает, не отпускает, застилает гнилью глаза. Трудно дышать. И плачет небо соленой водой. Что-то рвет изнутри. Огонь сжигает сердце. Некому погасить пожар. Некому дарить любовь…

Ты - стрела, готовая к полету, но на пути опять закрытая дверь.

3.

Она шла по каменному полу. В мрачных закоулках сознания ты рисовал ее иначе. Сладкий яд, нежный убийца, птица? Ветер? Ее хрупкий силуэт на фоне закрытой двери. Ты хотел подойти – не бежать, нет! – подойти. Холодно и сдержано – вдруг это не та, кого так ждал и о ком мечтал? Сердце поймано – уйди в тень.

Она сделала тебе знак отойти чуть дальше… еще чуть-чуть, еще немного… В чем дело? Зачем? Но подчинился – нехотя, медленно отошел назад. Девушка на фоне закрытой двери отдалялась от тебя, а ты по-прежнему ничего не понимал. Но вдруг увидел ничто: вокруг двери нет стен! На расстоянии все совсем не так, как думал раньше!

Солнце. Дверь посреди открытой местности, на семи ветрах, а на фоне ее – босая девчонка в длинном сером платье, изрядно поношенном. Длинные волосы растрепаны… как из больницы после нервного срыва.

Она пришла тебя спасти.

4.

Осколки ночи летят прочь стаей черного воронья. Опять забываешь, что жив. Тени исчезают. Тебе хватило сил уйти или наоборот - посмотреть на свои страхи издалека, со стороны. Взглянув на то, чего быть не должно, ты вернулся в реальность.

Темно в глазах, ты вот-вот упадешь. Вокруг голоса и нервный смех. Ненужные люди. Пот градом. Безумец! Двери нет! Ты все придумал. Странный мечтатель. Призрак дней. Только и делал, что выдумывал страдания, а потом проживал созданные тобой образы. Франкенштейн.

День шел мимо, не заглядывая в твое грязное окно. Наконец-то тебя оставили в покое – они боялись находиться рядом с больным. А ты болен. В полусне, в забытьи, но тяжел твой полет.

Легкие шаги. Открывается дверь. Ни скрипа, ни шороха. В серебряном луче луны фигура.

- Здравствуй, - она села рядом и коснулась прохладной ладонью твоего лба.

- Здравствуй, - ты отчаянно пытаешься улыбнуться, но понимаешь, что забыл, как это делается.

Прикосновения ее прохладных рук уняли жар, облегчили дыхание, сняли тяжесть с сердца. Мрачно-грязная комната наполнилась свежестью и тонким ароматом ночи.

Гостья подошла к окну и распахнула его настежь.

- Пойдем, - сказала она, вернувшись к тебе и взяв за руку.

Тяжело встать. Больно чувствовать прохладу ветра разгоряченной кожей. Страшно шагнуть с подоконника в ночь, уцепившись за лунный луч.

Деревья и фонарные столбы, ленты дорог и нелепо нагороженные многоэтажки, линии электропередач. Потом стало темно и тихо – за чертой города. Леса, поля, маленькие домишки…

…Спокойно и чисто в просторной комнате под конусообразной крышей. Теплый деревянный пол, большое окно и широкий подоконник. Казалось, в радиусе километров сорока ни души. Только ночь, луна, прохладный ветер… и вы. Оба молчите, ничего не зная друг о друге. Как зовут эту девушку? Разве это важно – кто еще мог подарить тебе вожделенный покой?

Мысль о возращении пугала, и ты гнал ее прочь.

Она протянула к тебе руку и коснулась лица – собрала ненужные мысли, видения и тягостный бред.

- Голова кружится, - признаешься ты.

- Пройдет. Ты просто еще не выздоровел.

* * *

Дни шли. Ночи летели. Только в комнате по-прежнему бардак и мрак. И лишние люди.

И снова ночь. Закрытая дверь. Пора, наконец, открыть ее!

Твоя спасительница лежит на пороге, сжимая ключ в руке.

- Ты дождался. Ключ твой, - прошептала она, закрывая глаза, - прощай…

Ее хрупкая фигурка скрылась за твоими видениями и снами, как за одеялом. Крики ворон заглушили твой горький стон.

Ключ, скрежеща, повернулся в ржавом замке. Тишина. Ветер. И солнечный свет – яркий, ослепляющий, пьянящий… ты захлебывался им словно жидким золотом.

Дверь рухнула тяжелой плитой, погребая прошлое, поднимая тучу пыли.

- Благодаря тебе я вижу солнце…

Зарубцуются шрамы на черном сердце. Переверни страницу!

Хрустальная нить

Он:

Когда осядет дым, я увижу все как есть. Этот дым одурманивал и притуплял чувства. Мы живем под одним солнцем, но оно светит всем по-разному. Иные и вовсе не поднимают глаз на него, забыв о его существовании.

Я позволял чьим-то холодным рукам лапать сердце, чьим-то стеклянным глазам оценивать наготу души, кому-то ненужному быть рядом. Мир еще кажется живым, в нем есть движение. Механическое продуманное до мелочей, ничего лишнего… так не хватает безумцев!

Когда осядет дым, я вспомню о тебе. Я всегда помнил, но часто гнал от себя твой образ. Не до того было - я думал, что жил. Твое спокойствие выбивало меня из колеи. Но дым редеет, и я начинаю понимать…

А ты заявляешь, что хочешь улететь! Я только начинаю дышать свежим воздухом правды! Мы еще так молоды… хотя бы на вид. Конечно, никому неинтересно, что творится в сердцах, но нас это не должно волновать.

Я чувствую, мы связаны незримой нитью: может быть, дым вокруг меня рассеется от дуновения ветра, которым ты скоро станешь? Печально, но красиво. Иногда так бывает. Все мы думаем лишь о себе, что бы ни говорили наивные чудаки.

Когда наша нить была крепка, я не замечал ее, но вдруг она истерлась и стала почти прозрачной. Резко натянулась, дернулась, и… я открыл глаза и посмотрел вдаль. На другом конце нити будто звенел колокольчик, но я едва слышал. Возможно, он звенел и раньше, но в шуме и дыму я не замечал. Что-то тревожное закралось в пробудившееся сознание. Я стал просыпаться раньше звонка будильника, потерял аппетит и почему-то стал чаще вспоминать тебя. Надо бы позвонить, но… что я тебе скажу? Что ты обо мне подумаешь? А потом день закручивал, появлялись дела и уважительные причины, чтобы не звонить, но треньканье колокольчика становилось все громче, а на сердце – все тревожнее…

Она:

Я хочу улететь. Далеко-далеко, совсем одна. Туда, где воздух чист и где не захочется плакать, едва проснувшись. Туда, где оставят в покое и где никому ничего не должен.

Белое, уставшее солнце глядит в мое окно. По асфальту носится пыль. Летит в глаза и скрипит на зубах. Небо будто выцвело. Все вокруг – поблекшее полотно некогда красивого дня.

Я хочу улететь, но никто не протягивает руку. Никто не слышал, когда звала на помощь, никто не пришел, когда не хотелось быть одной. Некого винить кроме себя.

Трудно жить в мире, где каждый встречный ненавязчиво дает тебе понять, что тебе нет здесь места, но по какой-то причине ты путаешься под ногами, отвлекаешь от серьезных дел одним своим видом. Обиды не было. До сегодняшнего дня.

Чего же не хватает, чтобы нормально жить в этом мире? И почему я усиленно ищу другие? Ощущения уместности, пожалуй… одно дело – чувствовать себя отличным от прочих. Другое – быть им, а это не всегда приятно. Иногда кажется – отдал бы все на свете, чтобы быть как все, чтобы чувствовать себя в своей тарелке, но… не получается. Слишком сложно увлечься неинтересным. Да и чего ради? Вряд ли от этого станет лучше.

Наверное, прекрасно – быть движением ветра, учиться у него свободе и легкости и всем существом стремиться к солнцу. К настоящему, а не тому, которое себе выдумала. Потом, правда, сняла его с небес, но не хватает воли растоптать. Или сложить в ящик и хранить как гербарий, изредка любоваться и вспоминать?

Вот бы улететь на необитаемый остров! Устроить себе праздник одиночества, которое не дают ощутить в полной мере, отдохнуть от всего – даже от никчемных мыслей. Хорошо бы выбраться из бетонной коробки, где со всех сторон шумы и голоса. Вокруг – мертвая лето. Затянувшаяся весна…

Я хочу улететь. Разбить собой окно и бледный купол стеклянного неба, чтобы добраться до синего - живого и настоящего. Увидеть золотое солнце, а не его посмертную маску…

Где мои крылья, которые нравились всем?

Он:

Где-то в этом же городе ты дышишь той же пылью, видишь то же грустное солнце и выжженную траву. Где-то под куполом стеклянного неба, почти рядом со мной - ты, о которой я не знал большую часть жизни, не думал, когда узнал и не вспоминал, когда потерял из виду. Но я забыл о нити, что связывала нас - хрустальной нити, которая поет от малейшего касания и которую так легко разорвать. От времени портится все. Лишь настоящее становится крепче, лучше и надежнее, а приходящее и суетное – стирается.

Жаль, мы были друг для друга лишь призраками на жизненном пути и остались воспоминанием о юности. Мы просто люди, и каждый из нас совершал ошибки. Нечасто они становились роковыми, но все же юность – опасное время, а любовь – опасное чувство. Мы так любим все опасное! Мы

задыхались от обилия жизни вокруг, в нас самих. Увы, нельзя перемотать пленку жизни, вырезать какие-то кадры, убрать лишние слова, сказать те, что не сказал или промолчать, когда не сумел. А какие-то моменты просто пережить еще раз…

Со временем я забуду, что мое молчание убило тебя, а мои отговорки лишь ближе подводили тебя к черте. Я даже не попрощаюсь с тобой, но и об этом забуду. Все пройдет, а жизнь продолжится. Только мир станет скучнее и холоднее без мечтателей и безумцев, без тех, кто чувствовали себя чужаками.

Годы шли, и чувства притупились. Я свыкся с мыслью, что я – часть этого мира и что надо в нем жить. И я начал «жить», пытаясь сравняться с прочими, но ты была права – лучше не стало. Суета отняла время, отведенное на что-то более важное, и нашпиговала юность кучей непоправимых ошибок и тяжестью на сердце. В мудрой старости я наверняка задумаюсь о душе и ее спасении - стандартный путь любого смертного.

Иные уходят раньше. И лишь осколки хрустальной нити напомнят о них…

2006

Маяк

- Зачем ты спас меня?

Он нервно теребил угол какой-то тряпки, служившей простыней.

- В этой жизни остался человек, которого я люблю, - прошептала она, - но ему неважно, жива я или нет. Зачем ты меня спас….

Каждое слово – удар в сердце. Он физически ощущал боль в груди, словно сердце протыкали штыком, который после нанесенного удара опять вырывали и вгоняли еще глубже, с большей жестокостью.

- Я люблю тебя, ты любишь его, он любит другую и взаимно. Всего одна нестыковка: тебе надо полюбить меня.

Бог знает, как тяжело произносить это спокойно!

- Я бы с радостью, но, наверное, уже не смогу. Больше не могу бросаться этим словом. Прости.

- Жизнь хороша, у тебя все впереди, - он понимал, что говорит глупости, которым никто в глубине души не верит.

- Если б я любила жизнь!

Обессилив от слез, она заснула. Он прикрыл ее простыней и задул свечу. За окном нежный рассвет. В розово-оранжевом свете мерцает морская гладь, сливаясь с молочно-белым горизонтом.

Какое-то время он сидел рядом, охраняя ее вымученный сон, но стало тяжело находиться в этой комнатке под крышей маяка. Казалось, призрак любимого ею человека, парит над спящей, нашептывая воспоминания о себе и издевательски ухмыляется ему. Лестница с железными перекладинами ведет в небольшой коридор, а оттуда – в кухню. Если б остаться здесь навсегда, она бы забыла этого призрака! Любовь приходит с годами, а счастье – с привычкой, Он знал, что не сможет ждать, не выдержит холодности той, для которой живет. Устроит ли его такая любовь? Когда к нему привыкнут, как предмету мебели…

Старый маяк пустовал много лет. Мало кто догадывался о существовании подобных мест. Корабли причаливают в гавань, где их радостно встречают, а заброшенный маяк забыт за ненадобностью.

Он не помнил, кто сказал ему об этом месте. Не помнил, как принес ее сюда. Слава Богу, все позади. Она успокоится, проплачется и продолжит жить.

Напряжение сказалось – он заснул, сидя за столом, склонив голову на сложенные руки. Сон был беспокойным, а сны – кошмарными. Разбудило легкое прикосновение. Она уже проснулась и спустилась на кухню.

- Ты кричал во сне, - села рядом.

Он подпер больную голову руками и допил безнадежно остывший чай.

- Давай останемся здесь навсегда, - предложил он позже.

Было чему удивляться: он - такой общительный, окруженный друзьями и красивыми девушками, откажется от всего и останется на заброшенном берегу, а пустом маяке?

- Понимаешь, это все равно, что одному – ведь я… в общем, что есть, что нет.

- Для меня сейчас важна только ты.

Она снисходительно улыбнулась, и в ее взгляде он прочел: вот именно, «сейчас». Его взгляд ответил: но и *его* не будет в завтра. Она поняла и отвела глаза. Еще немного, и они начнут общаться без слов и без взглядов. Стоит только отмести налет мира и уяснить, что они здесь одни.

Ночью луна не давала ей уснуть. Штор нет, спать невозможно. А что еще делать, она не представляла. Другой человек в этом необычном доме тоже не спит. Можно спуститься и выпить чая. Но почему-то не могла. Сложно оставаться друзьями, открывшись настолько. Она знала о его чувствах, он знал об отсутствии этих чувств.

Окна маленькие, и подоконников нет. Дома они большие, крепкие, деревянные. Но по дому она не скучала. Даже не вспоминала о нем и не

думала о людях, которые любили и ждали, надеясь когда-нибудь увидеть дочь и сестру живой. Но дни шли, и сердце становилось все жестче. Здесь никто не найдет. Нехорошо, если смерть разлучит, не дав попрощаться…

Глаза ее опустели, руки дрожали, она и днем словно лунатик. В голове одна-единственная мысль: «зачем?» Ответа нет. Она обязана ему жизнью. Раз уж он спас ее для себя, лучшей благодарностью было бы посвятить жизнь ему. Но она не чувствовала себя должницей. Скорее наоборот – это он обязан что-то сделать с вырванной неизвестно у кого жизнью, дабы спасенная перестала сожалеть о возвращении. А что он мог сделать? Вместо сближения, они устыдились наготы чувств и прятались друг от друга.

Наверное, остаться здесь – не лучшая идея. Она права – он перегорит. Сам ненавидел себя за это. Интересно, а какой тот, другой? основательный, невспыльчивый, за слова отвечает? И, наверное, выглядит иначе. Каким нужно быть, чтоб тебя любили? Вопросы без ответа, которые он ненавидел.

Она почти не ела и исхудала вконец. Ему нелегко: приходилось подолгу ловить рыбу далеко от берега, и готовить приходилось тоже ему. Есть в основном тоже, но это отдельный разговор. Кстати о разговорах.

Поговорить он пытался. Объяснял, что надо есть, чаще бывать на воздухе, при солнечном свете, так как морской воздух полезен, а спать полдня и сидеть в душной комнате вредно. Она выслушала, а потом спросила:

- И зачем?

- Чтобы жить, - потупившись, ответил он.

- Я живу, - проговорила она, - сижу с тобой на берегу, дышу морским воздухом, ловлю солнечные лучи. Только не знаю зачем.

Пенистые волны плескались у берега. Солнце то пряталось за редкими серыми тучками, то вновь показывалось, ослепляя яркостью.

- Расскажи о нем, - процедил он.

- Неужели хочешь слушать?

- Раз попросил, значит хочу.

Она говорила вяло и неохотно. Из ее рассказа он узнал, что и ожидал: призрак сильно отличается от него. Он украдкой посмотрел на нее. Даже бледной и худой она ему нравилась. И он смотрел, не таясь и не пряча восхищения во взгляде.

Однажды, оставив лодку за скалами, он увидел силуэт возле маяка. Потрепанный плащ реял на ветру, человек то и дело прижимал его руками к туловищу, что выглядело комично. Едва рыбак попал в поле зрения пришельца, тот заговорил:

- Здравствуйте, юноша. Я живу за скалами. Там обитаемые земли, между прочим!

Тон и манера не понравились ему, но он ответил на приветствие.

- Давно вы здесь? – осведомился пришелец.

- Давно. А что?

- Ничего! – гость заискивающе улыбнулся. - Один?

- Простите, мы толком незнакомы…

Он надеялся отделаться от визитера, но вдруг из-за маяка вышла она. В глазах отсутствующее выражение, к которому он привык.

Поприветствовав даму, гость тихонько обратился к молодому человеку:

- Нужно срочно увозить ее отсюда, иначе она умрет.

- А может, я хочу умереть?

Пришелец вскинул брови и перевел взгляд на юношу, укоризненно качая головой:

- Неужели не видите, ей нужен элементарный медицинский уход!

- Какие все заботливые стали! - буркнула она, проходя мимо гостя, - где вы раньше были, когда хотелось повеситься?

Она подошла к рыбаку и обняла его за плечи. Он, в свою очередь, притянул ее к себе, и оба уставились на пришедшего.

- Вот что, дорогие мои, - гость раздул ноздри, - этот маяк – не избушка в глухом лесу, береговая охрана давно держит под контролем это место, так что вам лучше убраться поскорее.

- Что ж они нас не заметили, раз все под контролем? – спросил он. – Мы здесь уже пару месяцев, правда, милая?

- Не волнуйтесь, я порекомендую усилить контроль, - пообещал пришелец.

- А мы не волнуемся, - она вскинула голову и улыбнулась, - пусть придут, штраф назначат – рыбой оплатим.

И оба засмеялись. Гость махнул рукой и поплелся прочь, бормоча ругательства.

Он был рад всему: внезапной разговорчивости, нагловатому тону, объятию, тем более смеху. Обоим все равно, что будет дальше. Они начали привыкать к такому образу жизни. Уже не избегали друг друга, как в первое время, гуляли вдоль берега, выбираясь за скалы. Он читал ей свои стихи – резкие, четкие, каждая строка словно кинжал. Она не могла с уверенностью сказать, о чем они, но всегда жаждала их услышать. Ей нравилось и манера чтения – не слишком выразительная, лишенная пафоса, насмешливая. Эти

стихи хотелось пропеть. Много он писал. Казалось, выплескивает все, что рвало душу. То, о чем пишет, не возвращается.

- Но так может уйти и хорошее…

- Пока хорошо – надо жить и наслаждаться, а если плохо, лучше сразу строчить. Легче станет. Не всегда стоит это кому-то показывать. Все делаешь изначально для себя.

- Если делаешь долго, приходит и качество. Тогда нужно показывать.

- И зачем тебе это? – спросил он.

- Нравится.

Просто и ясно. Ему не хотелось знать, как она понимает его стихи – боялся, что упрощенное понимание разочарует, и яркие чувства поблекнут. Так он мерил глубины душ: если человек сложный, предлагал «почитать стишки» и что-нибудь сказать о прочитанном. Зачастую критика обнажала понимание. И он успокаивался или разочаровывался. С ней другой случай. «Нравится» вполне достаточно.

Ее разбудили голоса за окном. На берегу какие-то люди и он среди них. Она не слышала, о чем, но говорили спокойно. Вскоре люди ушли, а он вернулся в маяк и поднялся в ее комнату.

- Все-таки придется уйти, - произнес он с невеселой улыбкой.

- Ну, придется, так придется, - улыбнулась она, - гость накапал?

- Видимо. Ребята нормальные, об этом маяке и думать забыли. Спросил, можно ли приезжать на выходные. Говорят, можно, пока не снесут.

Они ушли в сумерках, взявшись за руки.

Те, кто не ощущает боли вследствие привычки к ней, остро чувствуют минуты счастья и умеют наслаждаться ими. Его сердце полно сочувствием и милосердием и, конечно, она ни на минуту не забывала, как любима. Любовь такого человека – дар, которого не достойна. Ее любовь была такой же, только досталась не ему. Другой тоже счел себя недостойным. Какое-то время старался удерживать сокровище в дрожащих руках, любуясь им, удивляясь и чуть не плача от умиления. Но груз любви тяжел. Сердце не разбилось – она запретила себе штампованные фразы. В другой раз думать надо. Но в глубине души понимала, что другого раза может не быть. Вряд ли кто-то постучит в запертую дверь. Вот он постучал и получил в ответ не то, что заслужил, а те же дрожащие руки и неловкий «бросок». «Все в порядке», - сказали его глаза. Любящее сердце подобно маяку, что мягким светом укажет путь во мраке и бурном море жизни. Огонек будет светить только для нее, чтобы ее корабль не разбился о прибрежные скалы.

2007

Окно

Я давно наблюдаю за тобой. Какая же мне от этого польза? Ты не знаешь о моем существовании, и не можешь думать обо мне в ответ. Мне нравятся немногословные люди со странными привычками и живущие словно в другом мире. Я таким абсолютно неинтересен - что я могу рассказать? Пошлый анекдот или старую байку, устройство гитары и содержание недавно виденного фильма? Но почему-то меня тянуло к диковинам.

Я – это просто я, ничего особенного. У меня есть работа, которая устраивает морально и материально. Родители живы, здоровы и богаты. Пока я учился, побывал во многих странах. Я езжу на работу в БМВ и слушаю рок в классной стереосистеме. Приходится носить костюм и галстук. Раньше думал, это будет напрягать, но оказалось, все не так страшно. Работаю допоздна - с девушкой недавно расстались, поэтому заполнил жизнь до предела, чтобы не скучать.

Увлечение музыкой не исчезло с годами. У меня своя группа, мы репетируем два раза в неделю, а по выходным играем в клубах. Я мечтаю открыть хороший рок-клуб. Не такой, где топором висит табачный дым и мат слышнее музыки. Вероятно, мечта так и останется мечтой, и дело не в финансовом вопросе. Не напишешь на дверях: «только для посвященных».

Иногда, проезжая по городу, я вижу тебя на остановке. Мысль предложить подвести не раз посещала меня, но отгонял ее – вид у тебя такой, что ты скорее умрешь, чем согласишься. Вечерами я прогуливаюсь по городу и смотрю в твои зашторенные окна. Твой силуэт бродил по комнате, иногда надолго исчезая, но тут же появляясь в кухонном окне. Ты часто смотрела на улицу, но не обращала внимания на прохожих.

Я представлял себе, как ты сидишь на кухне и пьешь чай, рассеянно размешивая сахар. Со стороны доносится безразличное бормотание телевизора, а ты ничего не слышишь, перекручивая в голове что-то свое. Потом возвращаешься к себе, читаешь, пока сон не сморит, а когда сморит – сразу засыпаешь, не отдыхая от мыслей.

Когда встречался с девушкой, мы ходили в кино или в театр (ее родители давали ей на это денег, на которые мы чаще покупали вино). Ходили на концерты, и выставки, гуляли по городу, заходили прикола ради в дорогие магазины. А если погода была нелетной – сидели в Интернете, скачивали разную хрень, помимо нужного по учебе.

Теперь я гуляю один, и когда вижу тебя, гуляю за тобой. Тогда-то у меня и появилась возможность узнать, какие книги ты читаешь и что

слушаешь. Мне стало понятно твое настроение – слушая и читая такое, улыбаться не тянет.

Так уж получилось, что я - общительный человек. Мне нравится, когда навстречу идет знакомый, нравится узнавать от людей что-то новое, наблюдать за ними. В институте я участвовал во всех активах, концертах и спектаклях, обзавелся таким количеством знакомых, что сам удивляюсь. Я умел быть душой компании и без труда вливался в любую тусовку. Но настоящих друзей у меня нет. Когда мой товарищ по группе свалил за бугор, я понял, что потерял не только хорошего музыканта, но лучшего друга.

Знаю, ты плохо думаешь о благополучных людях, но я не собираюсь писать апологию сильных мира сего. Хочу сказать, что и среди них есть люди думающие и хорошие. Наверное, здесь стоит сказать, откуда я знаю тебя.

Я прочел твою статью в студенческой газетенке, которую в руках держу редко. Приятель всучил, сказав, что там есть кое-что интересное, подразумевая свои стихи. Коль скоро бумажка оказалась в моих руках, я ее пролистал. И наткнулся на твою писанину. После первого прочтения я обругал тебя последними словами. Потом перечитал и подумал, что обо мне там не так уж много и успокоился.

Вот, собственно, фрагмент:

«Однажды мой друг обвинил меня в скудности интересов. Он, мол, и на гитаре играет, и фехтованием занимается, и стихи пишет, и учится, и о массаже что-то хочет узнать. Я же музыкант до мозга костей. Они скудные в плане общей культуры люди – привязаны к куску жести или дерева. Музыка для них жизнь, а не увлечение. Как сравнивать дыхание с массажем или с фехтованием? Нам вообще друг друга не понять».

Про музыку мне понравилось, я со всем согласен: как-то меня попросили рассказать о хобби в рамках урока английского - нарисовал на доске гитару и буркнул, что мне нечего добавить.

«Я часто думала, почему мои сверстники такие позитивные и веселые – неужели их правда радует жизнь и перспектива жить ею многие годы? Оптимизм в наше время – явление не то что неумное, скорее пустое. Пережитки детской слепоты и осколки розовых очков. Мне интересно понять, почему так происходит, и я стала присматриваться к людям, с которыми общаюсь.

Все просто: ты молод, красив, богат и успешен, и боль не коснулась тебя. Почему бы не радоваться жизни и не быть улыбчивым и оптимистичным? Отцы в состоянии покупать шубки и побрякушки дочерям, при этом не напиваться и гонять вокруг дома с песнями каждый вечер. Со здоровьем порядок – так и должно быть, конечно. Пока все при тебе, об этом

не задумаешься, не то, что ценить и благодарить. Эти позитивные ребята знают, что в мире каждую минуту умирают дети, падают самолеты, звучат выстрелы. Но это где-то там, в телевизоре, далеко и не с нами. Знать о боли и знать боль – не одно и то же. Человек, не страдавший сам, едва ли сможет сострадать другому.

Что же мучает мое поколение? Они страдают, если на них косо посмотрели, что-то не то сказали, обругали или послали. Если староста заныкала два рубля со стипендии, если в столовке кончились бифштексы. Если бросил парень (девушка). Если завкаф надумала расформировать группу. А какая катастрофа, если получили на экзамене «4»!

Они страдают, если пришлось купить сапожки за пять штук, а не за семнадцать. Страдают, если помяли в троллейбусе или поставили сложный экзамен раньше, чем они ожидали «Мы были в шоке!», - любимая фраза на моем факультете. Как жить после института?

Боль – вот, что делит мир на «их» и «нас». Ее концентрация, доза, периодичность и сила. Жаль, нельзя прививать ею с детства, чтобы последующие боли переносить легко и с менее страшными последствиями.

Причем же здесь музыка? - спросите вы. Смысл не в том, что массаж и фехтование меркнут на ее фоне, как мелкие проблемки на фоне жизни. Именно человек привитый болью умеет радоваться жизни по-настоящему, он ее знает всякой – и болезненной, и счастливой, ему на все хватает красок и нот. А разменивать себя на суету и мелкие неурядицы - не есть умение наслаждаться и уж тем более, жить в реальном мире. Прожить жизнь как по нотам – разве не есть величайшее из искусств? А для этого лучше быть готовым, если не ко всему, то ко многому».

Писулька называлась «Мы не поймем…». Да, ты права – прочитав ее, я действительно ничего не понял и посчитал это бредом, который хорошо начинался, но странно закончился. Ты просто завистливая, озлобленная выскочка! Твоя фамилия указана в конце статьи, поэтому я поймал человека, что всучил мне газету, и спросил, знает ли он тебя. Он сквозь зубы ответил, что знает, и проводил меня на конференцию, где ты присутствовала – к счастью, не выступала. Мне не хотелось подходить к тебе и оправдываться – мол, я благополучный, молодой, здоровый, красивый и богатый, но не такой пустой, как ты пишешь! В семнадцать я чуть не потерял мать, а раньше сам едва не отдал Богу душу из-за воспаления легких. И что теперь, набычиться на весь свет и бравировать своим несчастьем?!

Зайдя на конференцию, я подумал, что подойду к тебе, познакомлюсь, выскажусь по поводу статьи и пожурю за огненные тирады. Мне не трудно познакомиться с кем угодно, поэтому не понимаю, что нашло на меня в тот момент. Поэт, сопровождающий меня, едко сказал: «Вон она, видишь, у

окна!» «Да, да», - ответил я и сел у входа. Потом подойду. Может, ты слушаешь и записываешь, я не хотел отвлекать. Когда конференция кончилась, и народ потянулся к выходу, я потерял тебя в толпе, а когда отыскал взглядом, было поздно – ты уже далеко. Может, оно и к лучшему, подумал я тогда. Решил выбросить тебя из головы, но как назло, ты все время на глаза попадалась! До сих пор мы незнакомы, хотя живем недалеко друг от друга.

В каком-то фильме я слышал разговор двух людей: один - журналист, привыкший к современной жизни, роскоши и удобствам, а другой намного старше и, видимо, умнее. Говорили они о вере. Старший спросил у журналиста, любил ли он когда-нибудь так сильно, что и жизнь, и смерть меркнут в сравнении с этой любовью? Тот, подумав, ответил отрицательно. Тогда старик спросил: «Страдали ли вы?» «Нет», - ответил молодой человек. «Тогда откуда взяться вере?»

Любовь для меня - хорошие и теплые отношения двух людей, которые хотят быть вместе. Не знал я любви несчастной или невзаимной. Только вдохновение, помогавшее писать музыку и тексты песен. А страдал ли я? Видел, как это бывает. Знаю людей, которые страдают так достойно, что становится стыдно жаловаться на погоревшую гитару. Знаю, что значит быть чужим в своей семье, хоть она и благополучная. Знаю, как зарабатывать деньги с шестнадцати лет, хотя родители обеспечены. Какие страдания, какая любовь – такая и вера. Ее не может не быть совсем, если ты нормальный человек. Как и любого нормального человека, меня привлекают сильные личности. Они помогают поверить в себя, когда наступает отчаяние – такое случается редко, но случается. Они притягивают и немного пугают одновременно.

Таким был человек за строчками. Такой я видел тебя.

Наверное потому я снова утюжу ботинками снег перед твоим домом и смотрю на незашторено окно, в котором виднелся тусклый свет, и маячила твоя тень. Я представил себе, как ты расхаживаешь по комнате, говоришь с собой полушепотом, ранжируя мысли для новой статейки. А потом сядешь за компьютер и напечатаешь очередную бомбу. Интересно, много ли еще таких неузнанных в толпе?

Зеркало

Пустой пыльный чердак. На дощатом полу сидит девочка лет двенадцати. С наступлением темноты ей всегда грустно, но свет включать нельзя. Вдалеке раздался первый раскат грома. Если будет гроза, бабушка вряд ли навестит ее еще раз…

В четыре года девочка лишилась родителей. У родственников свои дети и свои дела, а брошенным ребенком займутся социальные службы. В восемь лет у нее появились друзья. Их называли Уголек и Сияние, они прятали девочку у себя четыре года, пока самим не пришлось бежать. Девочка осталась у знакомой Сияния – той самой бабушки, что приносит еду на чердак.

Прощанье с друзьями вышло скомканным и бестолковым. Ей известно, что Уголек и Сияние были необычными людьми: Сияние умела читать мысли и видеть будущее, а Уголек мог то ли внушать людям что-то, то ли как-то иначе воздействовать на них. Девочка им порой завидовала и не понимала, почему они пользуются своими способностями только в момент опасности.

Единственная роскошь чердака - большое зеркало в кудрявой рамке. Зачем? Сияние говорила, что зеркала - это нечто особенное, чуть ли не вход в другой мир. Если разбить его, будет звон, шум. Сюда ворвутся чужие люди и заберут девочку туда, откуда она давно сбежала. Зеркало разрослось во всю стену и отражало свет фонаря, голые ветки тополя, похожие на костлявые руки неведомого существа. Когда в зеркале блеснула молния, девочка вздрогнула. Надо закрыть окно…

Вместо этого девочка подползла к зеркалу и вгляделась в свое отраженье. Худое лицо, длинные, почти желтые волосы. Мама говорила: если у тебя веснушки, значит, при рождении тебе улыбнулось солнышко. Девочка хмыкнула. Нет, Сияние, ты ошиблась. Этот кусок стекла всего лишь отражает реальный мир.

- А я бы на твоем месте не отказывалась от чудес, - знакомый голос заставил девочку приглушенно вскрикнуть, - конечно, если хочешь видеть только то, что есть, я не в праве мешать.

Девочка отползла от зеркала, видя в нем свое ошарашенное лицо. Голос принадлежал Сиянию, сомнений быть не могло. Он завораживал и обволакивал, дарил забытое чувство защищенности и спокойствия.

- Я схожу с ума? - пролепетала она. - Где ты?!

- Смотри внимательно.

В глубине зеркала что-то засветилось, пока не обрело четкие формы. Фигура девушки в ослепительно белом платье. От золотых волос исходило свечение. Девушка плавно вышла из размытой глади зеркала, его рябь потянулась за ней, норовя удержать за платье или за волосы. Девушка будто не замечала, и серебряные нити заровняли рябую поверхность. Выйдя из зеркала, Сияние стала светиться слабее, но сделалась более четкой.

- Здравствуй, малыш. И не вздумай обвинять меня во вранье. Ты же знаешь, я никогда тебя не обманывала, даже в шутку.

- Прости, прости меня... – какое-то время девочка не могла вымолвить ничего больше, - а ты... вы живы? Что это все…

- Нет, - гостья чуть склонила голову, - мы не живы, но ты так убивалась, что я решила тебя навестить. Вообще-то я не должна, но не сдержалась.

- Почему не должна, почему?! - девочка бросилась к Сиянию, повисла у нее на шее и, как ни странно, ощутила тепло ее кожи. - Я так скучаю, ты не представляешь… невыносимо! - голос ее дрогнул, по щекам побежали слезы.

- Представляю, малыш, представляю, - ответила девушка, окутав малышку неземным объятьем, - поэтому и не выдержала, но нельзя так, понимаешь? Ты должна сама справиться и не привязываться к моему образу. Каждый проходит свой путь.

Девочка вздрагивала от рыданий, громко всхлипывала. Казалось, засевшая в сердце горькая тоска и боль наконец нашли выход. Еще немного, и она зарыдает в голос. Сияние старалась ее успокоить, но не получалось - слезы лились и лились. Она вцепилась в девушку с такой силой, словно твердо решила никогда ее не отпускать.

Возможно, она смогла бы уговорить Сияние взять ее с собой, тогда, когда они уходили. Но в комнату ворвался Уголек, выпалив, что медлить нельзя. Он говорил не своим голосом, резко и отрывисто. И девочка с бабушкой ушли, а Уголек и Сияние остались в той страшной комнате. Дорогу девочка не помнила. Помнила только шершавую, сухую, очень теплую руку бабушки, лесные лабиринты и мелкую морось в лицо. С тех пор этот чердак стал ее домом.

- Малыш, не расстраивайся, - Сияние вернула ее в настоящее, - все хорошо, просто пришла пора расстаться. Мы стали чуть другими.

- А я не хочу расставаться, - твердила девочка, захлебываясь слезами, - я не хочу быть одна! Я не знаю, что делать и как жить. Почему вы меня бросили?!

- Так получилось, - Сияние не выпускала девочку из объятий, - если бы мы могли остаться, никогда бы тебя не бросили...

- Ты знаешь, кто убил вас?

- Знаю, - Сияние отстранила ее, почувствовав, что девочка немного успокоилась, - но тебе необязательно.

- Почему? Скажи, кто он?

- Не стоит жить ради мести, малыш, не очерняй душу. Месть не даст покоя. Поверь, это уже не важно.

Поток слез немного уменьшился. Девочка осознала: не для того ей дан миг свидания с другом, чтобы все проплакать. Теперь она во все глаза

смотрела на Сияние и не могла наглядеться. Сияние раньше не носила платьев, а уж в последнее время девочка видела ее только в длинном вязаном свитере и старых джинсах, заправленных в резиновые сапоги. Сейчас Сияние выглядит сказочно, и дело не только в платье. В глазах спокойствие, черты лица стали мягче.

- Уголек с тобой?

- Да.

Какое-то время они молчали, глядя друг на друга.

- Прости, что я тебя так мучаю, - сказала, наконец, девочка, - мне ведь не так спокойно, как тебе.

- Ничего, малыш, - улыбнулась Сияние, - главное не думай о том, о чем подумала сейчас.

- Но что делать, если эта мысль часто приходит в голову? я правда хочу к вам...

- Всего лет пятьдесят, и мы встретимся. Если ускоришь собственноручно, не встретимся никогда. Выбирай.

Она тяжело вздохнула, встала и прошлась по комнате. За окном шумел дождь. Капли со звоном падали на асфальт, отчаянно бились в закрытые окна, шуршали по желтеющей листве. Дождь, словно печальный странник, подслушивал их разговор.

- Слышишь? - спросила девочка у Сияния.

Та кивнула.

- Мне кажется, я вижу его… огромный, сутулый человек в длинном, прозрачном как вода плаще… я не могу прийти к тебе сквозь зеркало?

- Нет, - ответила Сияние, - и не пытайся туда заходить, там легко заблудиться и остаться навсегда.

- Значит, тебя я там не найду?

- *Туда* это не дорога, просто я избрала ее ходом, чтобы ты не пугалась, - улыбнулась Сияние.

- Неужто? Считаешь, удалось? - впервые за время их беседы девочка улыбнулась.

- Считаю, удалось.

Слезы опять подступили к глазам от жалости к себе, к своей безрадостной участи, к изначально поломанной жизни…

- Может, расскажешь, что ждет меня? - спросила девочка.

- Не могу. Скажу только, что хорошее не за горами, даже по земным меркам, а зеркало - действительно просто кусок отражающего стекла. Красивый образ, любимый многими. И мной когда-то.

-Знаешь, теперь сложно в это поверить, - сощурилась девочка.

- Твое право, моя вина, - улыбнулась Сияние, - но это не главное. А главное я уже сказала, надеюсь, ты не забыла. Хочешь немного проводить меня?

- Так скоро?... ты не можешь остаться еще хоть на полчаса?

Сияние покачала головой.

- Пойдем. В такой дождь тебя никто не увидит.

Сияние взяла девочку на руки и выпорхнула в открытое окно. Дождь принял их в холодные мокрые объятья и укрыл от посторонних глаз. Девочка заметила, что вода не касалась Сияния: ее волосы остались сухими, капли не стекали по лицу, широкие рукава платья парили в воздухе подобно крыльям.

- Ну, вот и все, малыш, - Сияние бережно поставила девочку на асфальт и серьезно посмотрела на нее, - прощай, и не вздумай больше плакать. Научись быть счастливой, помни, что обещала маме. А теперь отвернись и не смотри, как я уйду, хорошо?

Девочка ринулась к Сиянию и вновь заключила ее в крепкие объятья. Теперь у нее не отнять права на прощанье. И пусть осознание этого последнего момента ничего и не даст, но как хорошо, когда не в чем себя винить!

- Прощай, - шепотом сказала она, отстранившись, - передай привет Угольку. Я скучаю по нему.

Девочка нехотя поплелась к зданию, ставшему ее домом. На лестнице пусто и тихо, бояться нечего и некого... а если она обернется, превратится в соляной столп, как жена Лота? Что будет?

Она резко развернулась. Пустая, сверкающая от дождя дорога, ровный асфальт в фиолетовом блеске фонарей, капли рикошетом... и никого на дороге. Сияние исчезла.

Девочка вернулась, никого не встретив на лестнице, как и обещала ей подруга, но, едва оказавшись на чердаке, она обомлела: в комнате не было зеркала – лишь квадрат невыцветших обоев в кудрявой раме. И никаких осколков на полу.

- Научись быть счастливой... - растеряно пробормотала она, - научись быть счастливой…

Прогулка по радуге

Глухой удар. Не заметила под ногами лед – подтаявший, водянистый мартовский. Тело на земле, некому заметить – вокруг нет людей. Куда она так спешила, зачем почти бежала? Привычка быстро ходить и холодно.

Противно, промозгло, ветряно. Костлявые ветви деревьев на фоне серого неба. Грязный снег вдоль дороги словно переговаривался с ним. В основном повсеместно непролазная грязь, черно-бурое бучило. В воздухе пахнет весной…

Тело девушки на льду стало остывать под холодным мартовским ветром. Она этого не чувствовала. В сознании от удара взорвался вихрь ярких красок и переливов. Ноты, буквы, звуки, цифры – все, что она видела в цветах, вдруг пронеслось ярким и пестрым смерчем, озвученным незнакомыми голосами, веселым смехом и обрывками любимых мелодий. Но вскоре разноцветный туман рассеялся, и на подсознательном горизонте возникло ослепительное крылатое существо. Похоже на ангела по человеческим представлениям.

- А в реальности я не представляюсь, - отозвался на мысль крылатый, - у каждого своя реальность. Так что смотри, пока не очнулась - забудешь.

Девушка стала разглядывать существо, но как ни напрягалась, видела плохо – то ли все сливалось в свете, то ли он оказался бесформенным или прибывал в постоянном, но неуловимом движении. А может, внутренний взор слегка покосился от удара?

- Если бы не ты, я бы умерла?

- Вряд ли, - ответил крылатый, - ты могла бы умереть тысячу раз, если бы так было нужно. Точнее, если бы Тот, Кто держит, перестал бы держать.

Светлый растаял. По глазам ударила тьма и зазвенела, разбрызгиваясь в сознании хрустальным, но приглушенным эхом. Брызги дождя на лице – мелкие ледяные капли. Проснись, вставай, иди… но так больно, лень! И так уютно лежать на своем плаще, хоть голове холодно, но отрезвляет, приводит в порядок немногочисленные мысли. Значит, надо было разок не удержать, чтобы вспомнила… стоит только отпустить – обязательно наворочаешь!

Вихрь цветов в голове стал звучать упорядочено, ритмично и торопливо. Как тиканье часов… стоп! Цвета расплылись, перемешались еще раз, но поблекли. Смех затих, и тиканье убило прочие звуки. Открыв глаза – нехотя и с трудом - она увидела потолок вместо неба. Относительно тепло и тихо. Дом? Да, но не ее. А может, случилась эта ерунда из мексиканских сериалов, и она потеряла память! Говорят, в жизни такое бывает, только память стирается вместе с моторными функциями или отключается кратковременно.

- Ну что, легче? – в убогую комнату заглянул старик с окладистой бородой. Высокий и крепкий, типичный егерь. – Что ж по льду-то бегаешь? У нас поселок тихий, торопиться некуда, а времена лихие – никому дела нет, хоть умри на глазах у всех! А я не каждый день из дома выхожу - старый

стал, да и не за чем особо… считай, повезло. Думал, заледенеть успела - долго, наверное, пролежала.

- Значит, удержал, - ответила она.

- Ну-ну, - старик вышел из комнаты, - чаю хочешь? – раздался откуда-то его голос.

- Не откажусь.

- Да уж, не отказывайся. Оттаивай. Крепко, видать, головой приложилась, ну ниче, отойдет. Имя, адрес помнишь?

- Да вроде, - кивнула она.

Главное она уже вспомнила…

2008

Листопад

Я вышел на улицу, чтобы встретить тебя. Солнечный сентябрьский день. Я оставил машину на стоянке и пошел гулять по парку. Купил сока и сел на свободную скамейку.

Я часто рисовал тебя в воображении, но лица не мог уловить. Идеал бесконечно далек от конкретики. Я привык к уединению и решил, что это лучшее для меня. Но с наступлением осени просыпаются мечты.

Очередной скандал. Нет сил оставаться дома. Сквозь грохот музыки хлопнула входная дверь – мама не выдержала. Ругань резко прекратилась. Тетка сгребла телефон и присела на уши кому-то еще. Я переоделась в первые попавшиеся шмотки и, схватив плеер, вышла из комнаты.

- Представляешь! Он подал на развод! мне дали заявление, хочешь, зачитаю? – и, не дождавшись ответа, тетка стала читать иск телефонной трубке.

Справившись со шнурками, хватаю ключ и вываливаюсь в подъезд. Порой хочется одеревенеть и ничего не чувствовать. Шесть вечера. Ветер подувает толстовку. Возвращаться за курткой не хочется.

Когда стемнело, похолодало сильнее. Я проголодалась, но пригревшийся в кармане полтинник не сулил желудку ничего существенного. Зашла в первый попавшийся магазин и позвонила маме.

- Я на площади Ленина, подъезжай.

Встала так, что заблокировала выход, но люди, слыша мой свирепый голос, не решались прибегнуть к увещаниям. Кто-то задел мешком. Я резко развернулась и увидела субтильную фигуру волосатенького парнишки в

вельветовом плаще. Прелестная небритость и поволока во взгляде – что еще нужно истомившейся женской душе! Жаль, я сегодня всех ненавижу…

Он застыл в полуобороте, словно кто-то нажал на «паузу». Я сунула телефон в карман и, скроив зверскую рожу, глянула так, что картинка разморозилась. Он отвел глаза и поплелся прочь.

Я стоял в дверях супермаркета и смотрел, как над фонарями ткутся сумерки. В памяти не осталось ничего кроме взгляда, который, к счастью, редко на себе ловишь. Взгляд-стена. Ушат ледяной воды на благодушное настроение. Я не ждал ее - просто надо прийти в себя и подышать свежим воздухом, прежде чем сесть за руль. Только шагнул на тротуар - мимо пронесся вихрь. Это похожая на парня девчонка побежала к остановке. Толстовка с веселым Роджером, всклокоченные волосы. Посмотрев ей вслед, я поплелся на стоянку. Какое блаженство – сесть в теплую машину и отрезать городские шумы! Заставил себя смотреть на дорогу. В памяти настойчиво всплывает взгляд девчонки. Не знаю чем, но чувствую, что мог помочь ей. И ничего не сделал – просто стоял и смотрел, как она пробегает мимо.

Добежав до остановки, я согрелась и немного успокоилась. Бегать полезно, свежий воздух прочищает мозги. Надо почаще гулять. Забавно, что вид этого отрешенного парнишки умиротворяющее на меня подействовал. Раньше думала, случайных встреч не бывает. Но некоторые люди появлялись и не оставляли в жизни следов. Я же привыкла искать во всем десятый смысл. Мысль, что, возможно, я наслежу в их жизнях, не грела: я-то об этом не узнаю!

Наконец-то маршрутка! Пока едешь, есть время подумать, а пока бежишь – надо смотреть, чтоб никого не сбить. Итак, случайные встречи. Буквально недавно – после концерта. Брали куртки в раздевалке, обменялись парой слов с белобрысым кудрявым человеком лет тридцати. Мы с подругами шумно делились впечатлениями, и светлый что-то прокомментировал. На этом общение закончилось. Оделись, вышли на улицу.

- Вон, наши знакомцы! – узрела Янка.

И правда, блондин из раздевалки и его рослый полный друг, похожий на казаха, стояли поодаль и смотрели на нас. Мы подошли.

- Вот тебе и возможность косуху примерить! – кивнула мне Янка. - Мы как раз хотели вас попросить…

Светлый без лишних слов начал снимать косуху. Я вылезла из джинсовки. Доспех оказался тяжелым, но кожа мягкая. Куртка велика,

рукава длинны, что неожиданно: парень с меня ростом и не слишком коренаст.

- Женские косухи приталенные и поменьше, - окинув меня взором заправского портного, изрек владелец куртки.

- Ну что, перекраивай кожаный плащ! – Янка.

- У вас есть кожаный плащ? – оживился светлый.

- Есть.

- Хочу вас увидеть в плаще!

- В пятницу, возле 14й школы, пятый и шестой уроки, - брякнула я.

Рома (так зовут блондина) трудится во французской гимназии историком. Ксения болтала с Тимуром (Роминым другом), который «на работе выглядит солидно в костюме с галстуком». Вкалывает в политехе. Ну и публика!

- Так что, в пятницу возле 14й школы? – как бы уточнил Рома в конце нашей содержательной беседы. - А может, все-таки вечером, днем я работаю?

Я замялась окончательно, от девок помощи никакой. Круто ты попал… и почему он на меня, скучную и груженую, обратил внимание?

- Я вам еще позвоню, - Рома достал мобильник. Я продиктовала номер.

Тут приехал Ксюхин папа. Мы поблагодарили интеллигентов за общение и попрощались.

- Мне он понравился, - сказала Янка, - сразу видно, человек наблюдательный!

Чуть не проехала свою остановку. Мама на площади – замерзшая и зажатая. Про брех с теткой ни слова, шли в кафе молча.

Рома не позвонил. Я не поняла своих чувств: с одной стороны - проблемой меньше, с другой – вопрос «почему?». Вариантов тьма – от неправильно записанного номера до «передумал». Видимо, ему хотелось с кем-то познакомиться, а я косуху попросила, ну и пошло-поехало. Так никто и не понял, что все это значило. Подумала о нем пару дней, поупражняла воображение… хотя, даже не удосужилась пофантазировать, что было бы, если бы он позвонил!

В кафе тепло и хорошо, народу немного. Мама купила мне чаю с пирогом. Самое тяжелое теперь – вернуться домой.

Потом были другие концерты, и я вспоминала о Роме незадолго до них. Но мы так и не встретились.

Допив чай, сидели почти до закрытия. Когда шли на остановку, вспомнился лохматый парнишка в вельветовом плаще. Стало так жалко его, захотелось срочно извиниться за взгляд, которым его одарила, за колючесть, которая не ему предназначалась. Кто знает, какие следы мы оставляем на

чужих душах мимоходом, не придавая значения? Не хотелось винить себя в ничтожном пороке отсутствия самоконтроля.

Новый день еще лучше вчерашнего. Я проснулся раньше звонка будильника, неспешно собрался, сделал омлет и послушал музыку, пока жевал. Послонявшись по квартире до девяти, отчалил на службу. В офисе только Аля – молоденькая девушка, пришедшая недавно и, разумеется, начальство ее уже заездило. Она, видимо, так цеплялась за работу, что не возражала. Судя по виду, она из тех девушек, для которых нет мелочей.

Любимые минуты: офис почти пуст и, проверив почту, можно выпить кофе и попялиться в окно. В лентах дорог, движении машин, детских площадках, суете прохожих есть что-то успокаивающее.

- Алечка, а куда вы ходите обедать? – спросил я, отставив пустую чашку.

- В пиццерию напротив, - немного помолчав, ответила она.

- Правда? я ведь часто там бываю…

- Я вас вижу! – она улыбнулась.

- А я вас не замечал…

- Я в угол забиваюсь, подальше от телевизора. Иногда работаю во время обеда.

- Безобразие! Давайте сегодня вместе пообедаем, чтоб вы отдохнули от работы, - предложил я, - если у вас, конечно, нет иной компании.

- С удовольствием.

Вот и славно. Значит, сегодня я вряд ли успею встретить тебя…

Ловец

За окном сумерки. Над ухом урчит холодильник, погромыхивая стеклянным содержимым и слегка посвистывая. Снизу какой-то шум и возня.

Звонок. Не смогу встать и открыть дверь, да и зачем? Кому я понадобилась? Друзья не заходят без предупреждения, а соседи найдут, у кого попросить соли. Когда не открывают с первого раза, звонят второй, естественно. Я забыла, что дверь не заперта. По ту сторонний, додумался. Ручка неуверенно поскрипывает, дверь с легким хлопком закрывается. Пауза. Тишина. Шаги по коридору – осторожные, тихие. Ты. Конечно, кто еще! Удивительно, что не звонил…

Не надо меня трясти, я не сплю. Жива. Я помню свое имя. Нет, не травилась – обезболивающее. Просто часов семь это много, даже моему терпению не справиться.

- Меня уже пару раз прополоскало, не волнуйся.

Я по-прежнему лежу на кухонном полу, несмотря на твои выматывающие усилия поднять меня. Не знаю, рада ли тебе. С одной стороны не очень-то приятно, когда тебя видят в таком состоянии, а с другой – кому-то еще хочется тебя видеть, кто-то готов приехать без звонка, кто-то беспокоится о тебе. Этим не баловали, а потому вместо радости - настороженность.

- Я и не волнуюсь, - ты привалился спиной к обитой пробкой стене и уставился в окно отсутствующим взглядом, - надеюсь, теперь тебе не больно.

- Уже нет, - затрудняюсь сказать, что чувствую. Вялость, апатию, сонливость, грусть, омерзение, смешанное с жалостью к себе?

- Зато мне знаешь как больно! Давай-ка все-таки встанем. Вот так. Пойдем в комнату – сколько ты уже лежишь тут?

Хотелось попросить не тормошить меня, хотелось сказать, что мне не холодно. Но тебе удалось-таки дотащить до комнаты. Да, на кровати и впрямь теплее и лучше, особенно под пледом. И не дует из окна…

Жуткая слабость. Сквозь закрытые веки свет. Полосками. Под жужжание колесиков. Голоса – и твой среди них. Или мне кажется? Пусть – главное, так спокойнее. Опять просвет и темная полоска. Свет-тень, свет-тень… раз-два, раз-два, марш, марш…

Всегда мечтала покататься на такой тележке! Еще когда видела в больнице непредназначенные для ребенка зрелища – неряшливых больных с перепачканными кровью бинтами, под убогими одеялами в застиранных до серости пододеяльниках. Было противно и жалко их, но в то же время… теперь им не придется идти самим, о них есть кому позаботиться.

Нет, не несчастная любовь, доктор. Помните человека, который притащил меня сюда? По-вашему, такая любовь может быть несчастной? Нет, у меня никто не умер. И вообще, это не самоубийство, не надо беседовать на затрапезную тему. Я просто перестаралась, только и всего. Битву проиграла, но войну выиграла. Вот сейчас встану и пойду. Можно? Только не хочется… ужасно. Да, слабость. Я с утра ничего не ела. Прислушавшись к желудку, я улавливаю запрос о чем-то горячем и жидком. Нет, только не чай – это не питательно, и сама мысль о нем вызывает дурноту. Отпустите домой, и я поем. Знаю, как тут кормят, спасибо!

Не пойму, чего хочется больше: есть или спать. Дожили и до примитивных желаний. Боль всему научит.

Опять свет, тень, свет и тень. Полосами. Я не хочу видеть это, даже закрытыми глазами. Загораживаюсь рукой.

А теперь свет другой – чуть синеватый, мягкий и равномерный, ни с чем не чередующийся. Воздух свежий. В отдалении городской шум и крики детей. Бурчание мотора. Радио с дурацкими песнями. Шелест колес по снегу. Сидеть не хочется, я пока прилягу, насколько хватит заднего сиденья. От этого мутится в голове и острее чувствуется каждый поворот, но высидеть всю дорогу я не в силах.

Осторожно, дверца открывается. Приехали. Морозный воздух, тишина. Свет померк – значит, день пришел в гости к вечеру. Красиво, правда? знаешь, чье? Бестужев-Марлинский. «Мореход Никитин». Метафору запомнила, хоть читала лет в двенадцать и больше не помню ничего. Да, я и тогда цеплялась к словам.

Снова дом. Можно открыть глаза, хотя… что тут нового? Люстра с пятью рожками цилиндрической формы, кремового цвета? Свет на бежевых обоях - крем-брюле, аж противно. Чаю? Пожалуй… чего-то посущественнее уже не хочется, перетерпелось.

Я сижу поперек хлипкого полосатого кресла, свесив ноги с подлокотника. Ты на полу, спиной к этому же креслу. Иногда я открываю глаза, чтобы посмотреть на тебя. Вижу только голову, плечи, вытянутые руки, опорой которым служат колени, но этого уже не видно. Просто так должно быть.

- Теперь тебе не больно? – спрашиваю.

- Нет. Я спокоен, как змей.

Разумеется. В комнате нечем дышать от дыма твоих сигарет.

- Говорил же, что бросил.

- Бросил.

Я устраиваюсь поудобнее в кресле. Опять я во всем виновата. Как всегда.

- Сейчас докурю эту и брошу.

Я протягиваю за ней руку. Было б сил побольше – выбросила бы в окно, но поскольку сил нет, бросаю окурок в тарелку, служащую пепельницей и, естественно, промахиваюсь. Ты молча подбираешь его и кладешь в общую кучу бычков. Тебе на роду написано исправлять мои ошибки. Тяжело думать, что ты злишься на меня, тяжело причинять тебе боль, но я боюсь нарушить молчание, не поняв его характера. Лучше бы ты уехал. Но, с другой стороны, хорошо, что ты здесь.

- Тебе нет до меня дела, - ты заерзал в поисках новой сигареты, но вскоре опять повисла тишина. Я не знала, как ее оборвать, не скатившись в банальность или в лицемерие.

- Что я значу в твоей жизни? Ты ведь совершенно обо мне не подумала в тот момент.

Холодильник взвился на кухне. Если не считать этого, какое-то время мы сидели в тишине. Я наклонилась к тебе и обняла за плечи, не зная, стоит ли это делать. Но ты не оттолкнул меня, значит, оставим так.

- Послушай, - многообещающе начала я, не ведая, чем продолжать, - боль, как ни прискорбно, сильнее всего. Так не должно быть, но пока так. Ты переоцениваешь меня. Идеализируешь. Ты видишь во мне то, чем я могу стать, к чему нужно стремиться. И видишь это только ты. Твоя любовь поднимет меня из пепла. Как же ты ничего не значишь, если ты для меня все? Я постараюсь стать лучше, обещаю.

По твоему молчанию чувствую, речь удалась. Нечасто нападает красноречие. Видимо, когда слова идут от сердца, они и оформляются сами собой.

- Но почему же у тебя нет пророчества на счет меня? – наконец, ты заговорил. – Мне бы тоже не помешало вырасти, к чему-то постремиться…

- Погоди, дай сначала мне до тебя дорасти, а потом вместе постремимся.

С одной стороны грустно осознать и озвучить эту правду, но с другой – если Господь привел тебя ко мне, значит, меня еще стоит спасать, правда?

2011

Искры

- Дорогой, это не наши места, - сказала Даша.

Он остановился, пропуская ее вперед, и еще несколько секунд задержал взгляд на девушке у окна.

- Мы знакомы?

Учтивые приветствия. Сколько лет! Какое совпадение!

Всю дорогу Дарья расспрашивала о старой знакомке. Виделись однажды? Почему же больше не пересекались?

- Случая не представилось, - ответил он.

Домик на берегу – маленький, уютный. Они заняли верхний этаж, хозяйка на первом. Даша быстро нашла с ней общий язык, и по вечерам они судачили. Он любил в это время бродить по пляжу.

В сумерках едва различил знакомый силуэт. На набережной играли музыканты, собралось много народу.

- Сам не ожидал, что поеду на юг осенью, - он сел рядом, хотя она не предложила, - но летом и в родных краях жарко, а зимой за теплом придется ехать заграницу.

Она улыбнулась уголками рта, задумчиво глядя на отблески заходящего солнца.

- Где ваша избранница?

- Дома, - какое старомодное слово! В нем есть что-то фатальное, почти рыцарское. Предполагалась возможность выбора и усилие, чтобы этот выбор сделать.

- Вы, наверное, думаете, что я легкомысленный человек?

Она открыла рот, чтобы ответить, но он жестом остановил ее и продолжил:

- Я такой и есть. Но не позвонил не поэтому. Поверьте, я хотел, но, пролистав телефон, не обнаружил номера. Вы, должно быть, думали обо мне фиг знает что…

- Бросьте, - отмахнулась она, - все к лучшему.

Сколько он хотел сказать ей! Одинокая осень – шесть или сколько там лет назад. Тоска, боль, надоевшая работа. И вдруг взгляд – как надежда. И пресловутая мелочь вроде незаписанного телефона. В какой-то момент забыл об этом – новая работа, новые друзья. Так и завертелось.

Она была совсем юным созданием с веселыми кудряшками и если бы не голос, похожая на мальчишку. Теперь волосы отрасли. Черты лица резче, взгляд увереннее, голос тверже.

- А, вот ты где! – он услышал голос Даши. – Я тебя искала.

Знакомство было странным, нелепым – так и закончилось. Хотя она была уверена, что он позвонит и удивилась, когда этого не произошло. Правильно – зачем связываться с хромой пигалицей? Диплом, сессия и домашние проблемы быстро вытеснили из головы лишние мысли. Внимание взрослого мужчины не польстило, а удивило. Если позвонит, о чем говорить? Как себя вести, что делать? Он избавил ее от проблем.

Год назад она почему-то вспомнила о нем и нашла в интернете. А потом узнала о Даше. Полненькая, круглолицая, русоволосая. Цепкий, покровительственный взгляд. Играет в струнном квартете. Если бы не это – девушки более заурядной трудно вообразить. А он необыкновенный. Сколько раз представляла себе их встречу! Но время шло, ничего не менялось, и она смирилась, что никогда не увидит его.

Днем он видел ее нечасто. Если же случалось пересекаться, девушка вежливо здоровалась, но не подходила.

- Вы меня избегаете? – прямо спросил он.

Есть люди, с которыми полезно общаться. А есть люди, к которым тянет. Он не сомневался, что и девушке понятно это чувство.

- Конечно, если я вам настолько неприятен, или вы все еще сердитесь на меня…

- Хотите узнать, чего себя лишили?

Слова девушки не лишены смысла, но понимание ничтожно, когда видишь другое. А видел он изумление их внезапной встрече, нежные взгляды, плохо скрываемые за равнодушием и отчужденностью. Сквозь лед пробивалось искра. Та самая, которую уловил шесть лет назад, в первом столкновении взглядов.

Она сторонилась народа. Он же напротив, тянулся к людям, теплу и солнцу. Ясно: недуг обособил ее. Ему даже нравилась ее неспешная ковыляющая походка. Он не решался спросить, случилось ли с ней что, или она родилась такой, больно ли ходить, или она просто не может идти ровно и быстро…

Она понимала, что должна уехать как можно скорее. Заинтересованность чужим мужчиной попросту неприлична. Хватит с нее любви. Насмотревшись на поломанные жизни друзей и родственников, решаешь, что это не для тебя. А потом влюбляешься в кого не надо.

Городок ей нравился – море близко, жара не донимает, комнатка уютная, хозяйка приятная. Мечты сбываются, когда забудешь, о чем мечтал. Или когда прочувствовать в полной мере не сможешь.

Она гуляла по пляжу, боясь и желая встретить старого знакомца. Оказалось, не больно видеть его с другой. Даша состояла в сообществах вроде «Организации свадеб и торжеств». Совет да любовь.

Зачем эта встреча? Много лет назад, осенним вечером, пять минут, а потом ничего. Как быть, если в случайности давно не веришь? А когда вопрос стерся из памяти, ответ грозился упасть на отупевшую голову. В замерзшее сердце.

Она сидела на песке, поджав под себя ноги в бледно-голубых джинсах.

- Я не сразу узнал тебя.

Он сел рядом, не дожидаясь приглашения.

Они смотрели вдаль, слушая шум волн и крики чаек.

Как назвать то, что заставляет видеть в человеке исключительное, незаметное другим? Она порой задавалась иным вопросом: что можно найти

в ней? Никто и не находил, какой бы исключительной она себя ни считала. Но вот появился кто-то, нашел. Или ему просто захотелось поболтать и забыть? На самооценку это влияет не лучшим образом.

- Я уезжаю завтра, - она долго думала, стоит ли сообщать, или уехать не прощаясь. Но не смогла.

- Когда? – он побледнел.

- Днем.

Помолчали.

- Поедем вместе. Второй раз не хочу тебя терять.

- Это ни к чему.

Одна из или единственная? Мелкая интрижка или серьезный шаг? Есть люди, созданные быть одиночками. Стать обузой – настоящая любовь? Дежа вю: их первая встреча состоялась в такой же замороженный период ее жизни.

Ночи осенью холодные. Но не на юге. Здесь можно дышать пряным ветром до утра, наслаждаясь ласковым теплом, очищенным от дневного зноя и шума. Он часто выходил на пляж по ночам, когда спала Даша. Гулял вдоль берега, слушал мягкий шелест волн, смотрел на звезды.

Он без труда выяснил, где она живет. Утром явился и стал ждать.

- А она уехала, - сообщила хозяйка.

- Когда?!

- Ночью. Около трех.

Еще вчера жизнь казалась яркой и богатой. В сердце поселилась надежда. А неделю назад была, как ему казалось, любимая девушка, с которой чуть не связал жизнь. Теперь солнце померкло, ветер стих, море замолчало, и разом отключились цвета и запахи.

Надо решить, что делать дальше. Он ведь привык что-то делать, хотя зачастую ситуация живет своей жизнью и влиять на нее не получалось. Может, она и права, ни к чему это? Непредназначенное ему счастье…

2013

Сладкая потеря

Странная нелюдимая девочка, зарывшаяся в архив и поющая в катакомбах. Скромница с красивым голосом. Смелая – то ли по глупости, то ли по чистоте душевной. Скучает, когда другим весело и молчит все время. Теряешь ее во второй раз, но теперь труднее забыть.

Знаешь, что она живет с родителями, что у нее есть старшая сестра и несколько подруг – о друзьях неизвестно. День ее рождения весной. Играет

на пианино. Многим нравятся такие женщины – симпатичные и беспомощные. С ними чувствуешь себя рыцарем, и приятно осознавать свою нужность. Она милая и необычная. Пожалуй, даже красивая – «модельной» внешности.

Ей нравилась твоя проза, но чем именно не уточнил. Вскользь упомянула, что стала творить масштабно как раз в то время, когда ты исписался. Но ты не проявил интереса.

Странная девочка, но хватит погружений в чужие миры – в своем не разберешься, а женщины все равно одинаковы. Об этой, правда, не скажешь, что она легкомысленна, и ей нужны деньги. У нее другие, неведомые тебе заморочки. Ты так и не понял, что ей понадобилось. Она сама появилась в твоей жизни и не противилась вашему сближению. Ты проявил инициативу, но не в ущерб работе и привычным занятиям. Каждый вечер вы мило болтали о всякой ерунде. Затрагивать более серьезные темы ты не особо стремился, а когда пробовал, она будто уклонялась. У нее есть высшее образование, но она сдавала экзамены по истории церкви!

- Зачем тебе это? – удивился ты.

- Хочется, - замявшись, ответила она.

И ты устроил ей допрос: как называли византийцев, когда пал Константинополь. Но вы так и не встретились, чтобы «поговорить об истории церкви». Странно, что такую девушку не раздражали вопросы вроде, носит ли она юбки и нравится ли ей, когда ее целуют в шейку. Но главный остался без ответа: как ее угораздило связаться с таким раздолбаем? Или как ты там сформулировал… она «сама себе еще не ответила».

Однако кое-что прояснилось. Ты не планировал вести себя как последний кретин, но так получилось… даже не представлял, что это может ее обидеть. Почти неделю не выходила на связь и на твои звонки не отвечала. А потом написала, что вам не надо больше встречаться, она-де не твой пассажир. Кто бы сомневался… но ты ведь не хотел, чтобы все сломалось вот так, едва начавшись. А что, собственно? Просто одиночество, хотелось, чтоб рядом была женщина. Чем бы это закончилось? Рано или поздно… не суть. Лучше даже раньше. Без осложнений. Пока не успел к ней привязаться, пока она не запала в душу. Твоя истасканная душа и отвыкший от мышления мозг уже не родят ничего кроме сарказма. Ты по инерции пускаешь пыль в глаза, почивая на старых лаврах.

Многих удивляет мат в твоем лексиконе – у тебя же две вышки! Как-то незаметно все изменилось, постепенно стало безразлично. С ней ты старался быть прежним – даже почувствовал себя светлее и моложе, и на какое-то время поверил, что иначе возможно. Но не справился. «Прежний»

давно умер и забылся. Она не дала тебе второго шанса. Или ты им не воспользовался?

Странная девочка… такая наивная, беззащитная, витает в облаках. Надо ее научить жизни и приобщить к реальности. Чтоб можно было с чистой совестью сказать: так жить нельзя. Чтоб отыграться на ком-то за загубленную жизнь и убрать с пути того, кому удается жить иначе. Того, кто стал таким, которым ты лишь мечтал стать.

Смотришь на свое отражение в зеркале. Поношенное лицо, поредевшие волосы, еще яркие глаза. Скоро под ними повиснут мешки, а в кудрях появится седина. Совершенно один, а сколько людей было рядом! Сколько любимых женщин, готовых на все ради тебя – так они утверждали. В итоге, у них – семьи, дети, карьера. А ты – с каждым годом все пустее и одиночнее. А все хорохоришься, клеишься к молоденьким. Скоро это будет выглядеть так смешно и грустно! Ты будешь похож на папика во власти ушлой пигалицы. Отсидел свое в офисе, немало повидал руководящих постов. Вес набрал, здоровье подорвал, время впустую тратил, и ни на что его не хватало. Стрессы, головная боль, ответственность. Решил работать руками – стало легче жить, и на спорт время нашлось. Руки у тебя золотые, как и голова. Косуха и байк – это фетиш. Девочкам нравится неменьше, но девочкам другого плана. Вместо денег и дорогих удовольствий они упиваются твоей крутизной и надежностью, им льстит, что рядом взрослый и умный мужчина. Их убежденность позволяет тебе на какое-то время забыть, сколько потерял по собственной глупости и как запутался в жизни. Как быстро очаровываются тобой люди и так же быстро исчезают из поля зрения.

- Я сложен для понимания, - писал ты ей.

- Я простых людей не встречала, - отвечала она.

Странная девочка… ты ведь тоже кое-что понял о ней с первых же взглядов, по нескольким скупым фразам. И она поняла, кто ты на самом деле. Но лучше об этом не напоминать. Она еще найдет свое счастье. Будет верная супруга и добродетельная мать. Ты легко представлял себе ее в этой роли, несмотря на все ее чудачества. Если бы не – эти бесконечные «не» – все могло быть иначе…

- Пусть не будет больше горьких потерь, - желала тебе в день рождения кузина.

- Пусть будут сладкие потери? – съязвил ты.

- Пусть будет вынос мусора.

Если бы не чехарда с бывшей, неизвестно, какая из потерь оказалась бы горше.

Счастье?

Весна в том году наступила рано. Давно отцвела удушливая черемуха, осыпались цветки с вишни и яблони, и одуванчики явили миру задорные золотые шляпки. По вечерам пьяняще благоухала сирень, и вдохновенно пел соловей.

Майская девочка этого не замечала, потому что была влюблена. В ее душе весна только наступила, и с оглушительным треском ломались вековые льды неверия в собственную красоту и нужность. Влажные ветра приносили из неведомых краев запах перемен, которые она создала сама и пока не знала, стоило ли вмешиваться в волю провидения. Неважно – хотелось надышаться ветром, впустить в жизнь кого-то, узнать его реального, а не выдумывать о нем сказки. Она чувствовала его в этом городе, искала в толпе, но он не слышал ее безмолвного зова.

Нажала не кнопку и получила результат.

Он не ждал ее, хотя был один и никого не искал. Не понимал, что происходит, но шел на сближение и проявлял инициативу. Когда его не было в сети, девочке становилось грустно. Она скучала по нежностям, наводнившим их переписку после первой встречи в реальности, которая никаких ожиданий не оправдала бы, если бы девочка чего-то ждала. Она уже поняла, что настоящий он имеет мало общего с выдуманным, и когда он оказался рядом, почти разочаровалась.

Когда его долго не было, она скучала. Спокойно жила весь день, греясь в лучах этой странной любви, предвкушая, как вечером включит компьютер, и почти сразу мяукнет «аська». Неважно, что он напишет. Он и позвонить пытался на следующий после первого свидания день, но девочка отключила телефон, решив осмыслить впечатления. Почему-то не хотелось так сразу… мучительно думать, что сказать.

Она не писала ему первой, но первой прощалась. Забывала дома телефон, когда он звонил. Девочка расцвела, как майский тюльпан. Изменила прическу, сделала маникюр. По вечерам качалась на качелях и переписывалась с ним в интернете. Наваждение. Потребность в любви, желание тепла и ласки, столь естественное для всякого живого существа, особенно для женщины.

Во второй раз они решили встретиться в воскресенье после шести. Девочка спровадила подругу и стала ждать звонка на скамейке у фонтана. Было жарко и многолюдно, плеер разрядился, и сидеть стало скучно. Он позвонил только в половине седьмого. Она сразу встала со скамейки и пошла, куда глаза глядят, чтобы фонтан не мешал наслаждаться его голосом,

чтобы никто не подслушал их разговора и не любовался ее улыбкой, из-за которой она толком ничего сказать не могла.

Он только вернулся с работы и смертельно устал, поэтому не придет. Обращался к ней ласково, но она не расслышала – то ли «моя хорошая», то ли «лапочка». А она все: привет, пока. Нет привычки к таким словам. Расстроилась, потому что хотела увидеть его. И боясь, и мечтая. Слушала бы его голос до глухоты, но он говорил по существу. Она нежилась в этой любви наивно и беспечно.

- Целую тебя, моя хорошая.

- И я тебя…

Еще неделя. Потом все сломалось.

И еще неделю она не могла заставить себя выйти на связь, а он для порядка пытался вину искупить, но быстро плюнул. Женщин на этой планете больше, чем мужчин, а он хорош собой и материально обеспечен. По его убеждению, это – единственное, что волнует слабый пол. Найдутся другие. Бывшая жена, новая подруга. Новая никто, но мало ли таких? Двадцатилетних глупышек, готовых греть его постель.

А девочка не верила, что в ее жизни могут быть другие. Корни любви крепко сидели в опустошенном сердце, а плодоносные ветви застилали глаза и мешали замечать кого-то. Аромат этого дерева любви туманил рассудок и не позволял даже выдумать кого-то другого. Девочка училась жить заново – с кровоточащей раной вместо сердца. И каждый шаг по новой дороге приносил боль.

Мучительно ползло нервное лето, сменившись пьяной осенью в пустой квартире. Почти незаметно, кривой синусоидой простучала зима, а весна, по своему обыкновению, сулила новизну и чистую страницу опостылевшей жизни…

Снова май. Рано зацвела черемуха, и запел соловей, но к середине месяца погода испортилась, запахло осенью. Сама природа велит: не вспоминай, не мучай себя. Восемнадцать счастливых дней прошлого мая – в другой жизни, с другой ею. Она стала еще привлекательнее, и почти не находилось людей, которые об этом умолчали бы. А он даже с днем рождения не поздравил. Она и не ждала, но вдруг…

В мае каждый день – событие или воспоминание. Пора цветения, которой не успеваешь налюбоваться. Песня - не наслушаешься. Много лет девочка хотела запечатлеть этот быстро ускользающий расцвет природы и не успевала. Любимый сентябрь долго хранит багрянец в отличие от пылкого апогея весны. Не получилось и в этом году. Сначала долгая и непонятная усталость, потом резкая боль, таблетки, которые перестали помогать, апатия. В конце бесконечного дня – скорая, утихшая боль, но

подскочившая температура. Закрытая дверь. Озноб и ужасающая сухость во рту. Операция, реанимация, пробуждение и снова боль. Бесконечная, острая, тянущая… невыносимая жажда. И после наркоза – его имя.

Девочка знала, что могла умереть. Она не готова, хотя столько раз примеряла на себя смерть и, казалось, постоянно помнила о ней. Знала, что и с ней может случиться всякое, но когда оно случается – всегда внезапно. Значит, так надо выжечь из души впрыснутое им тление, и через смерть возвращаться к жизни…

Тяжелые дни восстановления – непривычная немощь, которая, казалось, останется навеки, и боль. Она никак не могла осознать, насколько близко подошла смерть. Не успела ощутить ее тлетворного, обмораживающего дыхания. Герои ее фантазий, сталкиваясь со смертью, меняли жизни, что-то осознавали, пробуждались от сна и начинали кое-что понимать. А как ей пробудиться к жизни?

Мы тебя любим и ждем. Она кому-то нужна, даже необходима. Что было бы с родителями, если бы медперсоналу пригодился оставленный ею при регистрации «телефон родственников»? Пусть не верится, что жизнь только начинается, но одной роковой ошибки, одной минуты промедления хватило бы, чтобы все оставить позади.

А он никогда не узнал бы.

Почти кончился май. Отцвели вишни и яблони, тюльпаны и нарциссы. Только сирень и каштаны все еще радовали глаз, а по вечерам, когда девочка выходила покачаться на качелях, вернувшись из больницы в родительский дом, еще слышалась песня влюбленного соловья…

2015

Угол зрения

Рита постучала в деревянную дверь маленького домика, не найдя звонка. Открыла девушка лет двадцати – светловолосая, небольшого роста.

- А Владимир Георгиевич здесь живет? – осторожно спросила Рита.

- Да, - девушка кивнула и чуть отошла от проема, пропуская гостью.

Аня, как и предположила Рита, дочь фотографа.

- Признаться, непросто было вас найти. Я принесла бленду. Ваш отец одолжил ее мне, когда выступали каскадеры.

- Это во вторник? – уточнила девушка. – Когда дождик шел?

Рита кивнула, осматриваясь в темной и затхлой прихожей. Аня предложила ей неудобные тапки, плащ Рита повесила на крючок за шторой.

Отец сидел на кухне – старомодной и не слишком опрятной. Аня представила ему гостью и изложила суть дела.

- Да помню я, кто это, - буркнул В.Г. – старый, но еще не в маразме. Чаю поставь.

Аня без лишних слов включила конфорку. Рита жестом факира извлекла из сумки зефир в шоколаде и вафли в глазури.

- Бленду могли бы и себе оставить, у меня этого добра валом.

Рита не сомневалась, но присваивать чужое не в ее принципах. На выступлении каскадеров Анин отец пропустил ее поближе к сцене и увидев, что объектив не защищен, а дождь усиливался, одолжил ей бленду. Тут же над Ритиной головой появился чей-то зонт, и она перестала волноваться за фотоаппарат.

- Приобрели свою?

- Нет еще.

- Об объективе тоже подумайте.

Рита давно хотела приобрести и бленду, и штатив, но брат решил, что отдал ей фотоаппарат не насовсем. Поскольку девушка недавно лишилась работы, ей не за чем было думать и о собственном, не говоря уж о сменной оптике. Робко поделившись со стариком соображениями, она услышала в ответ хмыканье.

Чайник засвистел. Появилась куда-то пропавшая Аня и налила чай.

- От зефира, небось, откажитесь, фигуру бережете? – старик усмехнулся в усы.

Зефир не оправдал ожиданий фотографа, да и Рита признала, что вареная сгущенка там совсем не к месту.

- А как фотки? Много хороших?

- Есть кое-что.

Старик помотал головой, позвякивая ложечкой в чашке. Хоть бы спросил, как она его нашла! Это же целое детективное расследование, а он, кажется, и не удивлен вовсе. Будто ждали ее с этой китайской дешевой блендой!

- Так смотрел через плечо, грамотно все. Молодец. А что дым и не видно ничего – комп исправит. Это раньше приходилось каждую мелочь в голове держать, когда у тебя пленка на определенную чувствительность и пробных кадров не просмотришь. Фильтры ставили, с экспонометром носились… - дед вздохнул, - а щас – со смартфонами все фотографы.

Проводить Риту старик вышел сам.

- Плащ у вас козырный –Гуччи?

Даже Аня удивилась такому выпаду.

- А знаешь, дочь, что пахан твой и на кукольный домик работал? – старик рассмеялся так, что закашлялся. – Неужто у вас богатые кавалеры? Шмотка дороже машины.

Рита натянула длинный замшевый плащ темно-серого цвета и помедлив секунду, ответила, что подарок не от кавалера.

- Что ж, от них и не дождешься. А вот штанишки не кожаные.

Рита какое-то время удивленно смотрела на старого фотографа, а он, казалось, от души наслаждался произведенным эффектом.

- Наблюдательность такого рода – не мужское дело, да? – он снова закашлялся, а потом уже тише обратился к Рите: - учитесь видеть. Ведь понимаете, как это важно.

Рита кивнула, поправляя диковинные лацканы плаща.

- Признаться, я за тем и увлеклась фотографией, чтобы научиться…

- Так быть может, стоит на это посидеть поплотнее? – вкрадчиво продолжил старик. – Вам для чего это нужно?

- Для писательства, - призналась Рита.

Фотограф вздохнул.

- А фото для вас не самодостаточная область? В писательстве вы обойдетесь фантазией. Думаю, с ней нет проблем.

Рита пыталась объяснить, что фотография ей не по возможностям как профессиональная сфера, тем более при обилии фотографов с навороченной техникой. Старик согласился, что техника играет не последнюю роль, но зрение помехой быть не может.

- Не мне вам говорить, что люди со стопроцентным зрением совершенно не умеют им пользоваться. Как они его тратят? На видеоигры или целый день на бестолковой работе за компом, чтобы потом расслабляясь, нажраться до скотского состояния? Не нужно думать, что вы хуже только потому, что не так видите. Всему можно научиться. У вас интересное видение, хорошее чувство композиции, необычные ракурсы. Вы улавливаете то, чего не замечают другие. Пора этим пользоваться.

В темной прихожей его голос звучал гипнотически. Старик рассмеялся опять до кашля.

- Ну иди, удачи тебе!

Он приобнял Риту за плечи и почти выпихнул за дверь. Хорошо оказаться в светлом дне и на свежем воздухе, но девушка это не сразу ощутила. Какое-то время она стояла у двери домика и пыталась разглядеть ведущую к калитке дорожку. Садик не то чтобы утопал в цветах, но производил впечатление более аккуратное, чем дом. Постояв какое-то время на крыльце, Рита не спеша спустилась по ступенькам и будто ощупью пошла по ровной асфальтированной дорожке.

Новая жизнь?

Семь утра. Будильник еще не прозвонил, да и не за чем ждать. Надо успеть красиво одеться и заштукатурить синяки под глазами. Она, конечно, не выспалась – четыре часа мало.

Белая блузка неидеальной чистоты, но такие вещи только раз и надевают. Джинсовая юбка-карандаш. Туфли на каблуках – непривычно. Бежевый тренч-парка. Каждое движение осторожно. Кто сказал, что одежда должна быть удобной? Такие туфли и юбки отучают от солдатской походки, вырабатывают женственность. Пора уже.

Чуть не пошел дождь. Мелкая морось. Маршрутка. Любимая музыка. Она не волнуется и вовсе не уверена, что хочет эту работу. Но спалось плохо, и вчера она была уверена, что все забыла. После трехлетнего перерыва какой из нее специалист? Проверки, унижения, изгнание с позором? Лет пять назад ее бы это взволновало, а теперь…

Приехала раньше. Два года назад ее устраивал офис на отшибе, коллектив из двух теток и высиживание за минимальную зарплату. Но люди меняются, и это перестало ее устраивать. Захотелось к людям, в шумный город, действовать, общаться, красиво одеваться.

Кофе с собой. Еще вчера открыла это местечко, идя из бассейна. Тогда же и позвонила по объявлению. Как было классно в кроссовках, джинсах и с рюкзаком! И на свежем воздухе, под лучами ласкового вечернего солнца капучино невероятно вкусный!

Сегодня все иначе. Эспрессо давно пора оставить в покое, а ей все кажется, что огромный стакан должен быть полным. Сахара слишком много. И воды. С собой. За дверью угроза дождя. Капюшон калечит обзор. Ни одной лавочки… а впрочем, на нее и не сядешь. Навеса нет, и прохожие снуют. Город живет. Как в студенческие годы это раздражало! Теперь она полюбила его. Узнала, впустила в сердце. Он с каждым годом обрастал любимыми местами. И воспоминаниями.

Эспрессо – глоток за пятьдесят рублей. И стакан воды – отфильтрованной, невкусной, мертвой. Осталось шесть минут. Пора. На каблуках же. Всматриваться в перекрестья плит, осторожничать на порожках, бордюрах, выбоинах асфальта. Вот оно – достоинство!

Четвертый этаж. Косметичка-аптечка в неудобной сумке. Помнится, пришивала к ней термолентой отдел из джинсы – отвалился. Нашарила зеркальце. Кофе пила так торопливо, что побежал струйкой по шее. Не верилось, что его так мало, а соломинку не дали. Не хватало еще уделать белую блузку. Мало того, что не взяла зонт и рискует прийти на собеседование в непотребном виде… нет, все нормально.

Стук каблуков по кафелю. Темный коридор. Приоткрытая дверь с нужным номером. Для тех, кто не решается уходить вникуда или верит в судьбу. Дверь в новую жизнь.

Мгновения тишины

Нина вышла из бизнес-центра после очередного провального собеседования. Хоть не мурыжили, сразу сказали, что она не подходит. Подумаешь… учительствовать она может и дома. Образование хорошее, опыт есть и деньги будут, если надо. Хотелось другого: общаться, красиво одеваться, стабильности, хорошей зарплаты, отдельной квартиры.

Нина одернула блузку и застучала каблуками по асфальту. Инвалидность, конечно, осложняет поиск работы. Нина все чаще о ней молчит, но работать полный день не может. А на частичную занятость не берут. Да придираются, почему раньше официально не работала. Надо было до тридцати вкладывать в себя и знания, и деньги!

Тяжело вздохнув, Нина стала высматривать маршрутку. Разумеется, с инвалидностью учеба давалась нелегко. Школу прошла на дому, и выход в институт стал для девушки стрессом, от которого еле оправилась после. Хорошо вообще образование получила! С такой профессией можно зарабатывать, не выходя из дома, что она и делала. Устав от замкнутости, Нина пыталась было устроиться на курсы, но не получилось. Для солидной компании она не подошла, а в не несолидных уже работавшие преподаватели расхватывали новые группы. Потом пригласили в архив, на ставку уборщицы. График удобный. Документация, базы данных, обслуживание – все ново и не дома. Унылые дамочки, никому ненужная бюрократия, пылища, холод, бумаги. Жизнь проходит мимо. Стало жаль ее и себя, и Нина ушла вникуда. Разумеется, все крутили пальцем у виска: кризис, инвалидность, где найдешь лучше, кому ты нужна, родители пенсионеры. Нина всегда делала все по-своему. Отдохнула два месяца и приступила к поискам работы. Жаль, не представляла, в какой сфере искать.

Нина припала виском к стеклу маршрутки. Почему так бестолково прошли пять лет после института? Ее сокурсница, например, уехала в Москву, нашла работу и жила в съемной квартире. Получила второе высшее, зарабатывает хорошо и скоро накопит на квартиру. Другая подруга уже это сделала, вкалывая на износ где только можно. Еще в институте девчонки вели такие разговоры: коплю на машину или второе высшее, а то училкой отсюда выйдешь... А она? Хоть бы одну учебу домучить! Ее приучили

довольствоваться малым, и она поверила, что жизнь не для нее. Что теперь завидовать?

Свежий воздух и легкий ветерок привели в чувство. Все-таки нервы – поездки, общение, отказы. Даже когда не рвешься на работу в ту или иную компанию, уязвленное самолюбие голосит: не оценили! Отказали! Единственное утешение – написать обо всем. Заработать писательством Нина отчаялась. Год бесплатных публикаций разве сравнишь с тринадцатью годами прозотворчества? И тут надо было раньше действовать, рвать зубами счастье и деньги, а она досиделась!

В новостях видео известной писательницы. Нина включила его и стала переодеваться в домашнюю одежду.

- Ребята, если вы видите прекрасные миры и ощущаете потребность поделиться этим с другими, вы – писатель. Можете, конечно, эту потребность в себе забить, но станете глубоко несчастным человеком. Потому что творчество для вас – это и есть полная жизнь, без него ничто вас не устроит.

Прекрасные миры… окружающие воспринимают это как вышивание крестиком. Милое хобби, а работаешь ты где? Кому она пытается что доказать? Смотрите, я тоже могу хорошо зарабатывать и жить, как мне хочется!

Нина шмыгнула носом и ушла ставить чайник. Она знает, что никогда не будет довольна, пока не успокоится. Найдет работу или нет, будет зарабатывать много или жить на пособие. А успокаивает творчество. У нее семь романов и три сборника повестей – неужто их ценность измеряется лишь деньгами? Тридцатилетие будто провело черту, и надо перед всеми отчитаться. А у нее ничего нет. Только мужество творить. Только счастье создавать и плоды этого трудолюбия. Сколько талантливых ребят затоптало свой дар! Бизнес, карьера – ощутимая и наверняка. А это – баловство для гонцов за миражами, которые больше ни на что не способны.

Может, именно это время одиночества дано ей, чтобы посвятить себя главному? Это всегда опасно и никакой гарантии, но другого счастья ей не надо, сколько себе ни лги. Она ведь с детства особенная, а значит, у нее есть право на безумство!

Логика \ хаос \ логика

Аня спешила домой с вокзала. Как все-таки здорово удрать из командировки на день раньше! Решила сделать мужу сюрприз.

Дима был дома, но не один. Еще в прихожей Аня заметила пару туфель на высоких каблуках. Валяются как попало - видимо, владелица

очень торопилась выпрыгнуть из них. Как и избавиться от одежды. Нарядное платье, сумочка, чулки, лифчик – Аня шла по следу, как гениальный сыщик. Какое-то время послушала полагающиеся процессу звуки и ушла. Неужто она устроит сцену? Набьет лицо соблазнительнице и покроет мужа нецензурной бранью?

Аня зашла в кофейню и заказала зеленого чая. Села и окна и стала листать список контактов в телефоне. Обсудить поведение мужа с подругами или сестрой? Нет, хочется побыть одной. Решено: из гостиницы в гостиницу.

Оказавшись в одноместном номере со спартанской обстановкой, Аня истерично расхохоталась. Ну и дела! Если бы не природное остроумие, наверное, распустила бы сопли пузырями. Дело-то серьезное – предательство, адюльтер. Интересно, что бы муж сказал в свое оправдание? Аня шлепнулась на кровать и уставилась в белый потолок. Слез по-прежнему не было. Опустошение, ветер перемен на месте человека. Надо бы поесть, - лениво подумала она, взглянув в окно. Просто заставить себя – это порой помогает жить.

А что остается?

Сделать вид, что ничего не было, вернуться завтра, поцеловать мужа? Другая баба, подумаешь! С кем не бывает? Глядишь, у него проснется чувство вины, он начнет маскировать его придирками к жене. Она будет пытаться поговорить по душам, вывести на чистую воду, строить из себя мудрую женушку, готовую все простить, перепутав любовь с терпимостью. В конце концов, он сам подаст на развод. Известная история.

Ужинать пошла в ресторан, не переодевшись и не приняв душ с дороги. Все невыносимо, особенно манеры, официоз, мысли о других и об их комфорте. И так слишком много об этом думала, а итог? О нее вытирают ноги все, кому не лень.

Конечно, не спалось. Почти до рассвета она обрабатывала фотки – хоть с пользой время проведет. С работой повезло: есть заказ – есть работа, нет – кури бамбук.

Проснулась в час дня разбитая. Набрала домашний номер – ответа нет. Собравшись и выпив кофе, Аня поехала домой. Крадучись, как воришка, открыла дверь, прислушалась. Тихо. Только енот цокает по ламинату. Аня всегда ровно дышала к зверюшкам, а Дима прикипал к ним больше, чем к людям. Они не предавали, не подводили. Поучился бы у них завидным качествам!

Казалось, только недавно она распаковывала вещи. Только недавно привыкла к мысли, что этот дом теперь – ее, и она может куда угодно

двигать шкафы и требовать от мужа ремонта. Но творческая личность не тем живет. Радовался ли он? Видать, мужские мозги созданы для выноса…

Аня кое-как покидала вещи в сумки, заказала такси и стала ждать на улице. Сил не было ходить по дому, рассматривая каждый уголок и терзаясь воспоминаниями. Вещи отвезет в квартиру сестры – поставит на балкон, та и не заметит. Родителей жалко. Намучились с дочерями. Не бойтесь умных женщин – любовь отшибает им мозги.

Аня купила новую симку. Старую выкинула, понимая, что поступает по-детски. У всех по сто номеров, а она с института на одном. Ретроград. Ни планшета у нее, ни айфона. Пишет на чужом ноуте, фоткает чужим фотоаппаратом. Живет в чужом доме, вышла за чужого мужа.

Как, собственно, они поженились? Она влюбилась до умопомрачения, а он устал быть один. Подвернулась Аня – всем хороша и готова за ним хоть на край света. Уже третье свидание закончилось постелью. Аня была в шоке от себя и не отвечала на звонки и сообщения. Дима не знал ее адреса. Но она забеременела и, превозмогая отвращение к себе, позвонила ему. Он, казалось, обрадовался. Давай жениться. Только улажу кое-какие дела. Оказывается, с прошлой женой развестись не успел, вот какие дела. Да и ребенка Господь не дал – неудивительно, грех-то великий, если понимаешь. Можно было расстаться друзьями, но… вроде поженились, чего болтаться-то? Он рядом, как мечтала.

Собирая рюкзак, Аня все-таки расплакалась. Что ж он сделал с ее жизнью! Все разрушил, и скажи, что не ожидала! На вокзал поехала в маршрутке. Взяла билет до Питера и в ожидании поезда чего-то перекусила в столовке. Всю дорогу гоняла песни в плеере, не в силах дослушать ни одной до конца. А потом легла спать и, к собственному удивлению, заснула.

Лишь на вокзале Аня набрала мамин номер.

- Мамуль, я в Питере. Не волнуйся и Диме не говори.

- Он звонил вчера. Что у вас случилось?

- Он знает. Со мной все в порядке, не беспокойся.

Мама не нашлась с ответом, и Аня отключилась.

Все-таки перенервничала она, даже стошнило по приезде. Волновалась Аня редко, но метко. Теряла аппетит и сон, сильно худела. В прошлом году как раз, когда начала общаться с Димой, отощала и очень себе понравилась.

Мама звонила еще, сказала, что Дима извелся, приезжал к ним. Часа два стоял во дворе, пока мама не сжалилась.

- Я ему сказала, что ты уехала. Папа вышел с ним в коридор…

- Хоть без мордобоя?

- Ну конечно! Просто спросил, что у вас случилось, точно ли ему не в чем себя винить. Ты ведь не истеричка, таких фортелей никогда не выкидывала. Должна быть причина.

- Проверь, есть.

Страсть уже не кружила голову, и порой Аня задавалась вопросом: чем Дима ее пленил? Она знала, все «найденное» – лишь плод ее фантазии. Реальный человек имеет с этим мало общего. Ее раздражало, как по утрам и вечерам он харкает и сморкается, тревожило, что почти каждый вечер пьет пиво, напрягала его гиперобщительность и многословие. Но хорошо было вместе молчать. Смотреть фильмы и заказывать на дом суши. Мотаться по городу и за его пределами. Казалось, любой уголок страны и даже ближнего зарубежья – не проблема. Дима легкий на подъем. И она заразилась этим.

Да, он не тот, которого придумала себе, но ведь полюбила и реального. И неприятно было бы слушать, как мама поливает его грязью. Он никогда ей не нравился. И папе тоже. Умница-дочка оказалась такой же дурой, как все бабы.

- Что он сказал отцу?

- Сказал, что не представляет. Ждал тебя вчера, чуть ли ни красную дорожку расстелил.

- А я позавчера приехала. Тогда еще не ждал.

В трубке вздохнули.

Сейчас начнет, - мелькнуло в голове. А то не знала, с каким кобелем связалась? Сама виновата, терпи.

Питер, Питер. Мог быть хоть Мочегонск. Самочувствие такое вялое и сонное, что никуда не хочется. Весь вечер то пыталась читать, но не осиливала больше двух страниц, то хотела увлечься фильмом, но только щелкала пультом. Даже понять не могла, о чем думает. Так чувствовала себя после того рокового свидания, пока не обнаружились его результаты. А потом еще хуже – когда узнала, что стала причиной развода Димы. Пусть жена от него сбежала, Аня ведь ее правды не слышала. Димку жалела. Как ему не везет, бедняжке. Я тебя спасу и вылечу, отогрею любовью, будет у нас большая дружная семья!

Заснула, так и не поужинав, а утром опять стошнило. Страшная мысль ударила в голову. Господи, неужели ОПЯТЬ?! Кое-как собравшись, вышла в аптеку и купила тест на беременность. Результат положительный. Аня глухо застонала. Последующие полчаса не могла успокоиться. Плакала и смеялась, бросалась на кровать и на стены, хваталась за телефон, но тут же отшвыривала его в сторону.

Что же делать? Вернуться? Остаться одной, искалечить три жизни разом? Где же этот пресловутый материнский инстинкт? Где безусловная

любовь к маленькому существу, которое не виновато ни в папином распутстве, ни в маминой глупости? Новая жизнь… поначалу словно прислушиваешься к себе, каждого шага опасаешься, каждого неосторожного движения. Будто носишь в себе мину замедленного действия. Будущее. Одиночества уже не ощущаешь. Теперь не я, а мы. Жизнь стала вдвое дороже.

Утром ее разбудил звонок. Аня не сразу поняла, что звонит телефон в номере.

- Анна Витальевна, вас в холле настойчиво спрашивает какой-то человек… - голоса на заднем плане, - говорит, муж. Вы спуститесь или впустить его к вам?

Какой еще муж? Он в шестистах километрах отсюда.

- Спущусь.

Так, джинсы, футболка. Мутит, стоило с кровати встать. Дверь, коридор, ступеньки.

Действительно муж. Пока еще. После ошарашенных приветствий:

- Анютик, ты неважно выглядишь!

Она рассмеялась:

- Ты проделал такой путь, чтобы сообщить мне о плачевности моего облика?

Люди за стойкой притихли.

- Я знаю, что ты подумала.

- И была неправа? – усмехнулась Аня.

Он кивнул и улыбнулся.

- Дим, я не только подумала, но и видела!

- Что же ты видела?

Она развела руками, бросила взгляд на собравшихся у стойки и буркнула:

- Пойдем.

По дороге в номер Дима рассказывал, как выпытал у Аниной мамы неизвестные ему детали. Узнав о досрочном приезде жены, сразу все понял.

- Меня ты никак не могла увидеть, потому что там был Пашка.

Аня припомнила, что отслеживала траекторию соблазна по шмоткам дамы, а мужских вещей не видела вообще. Пашка на голову выше Димы и как минимум вдвое шире. Его парашюты многое прояснили бы.

- Он попросил предоставить плацдарм. Ну, я на работе, ты в отъезде, так что, думаю, пусть резвятся. Я ему позвонил, допытывался, но они тебя не заметили.

- Охотно верю.

- А машину его ты не отличила от моей?

- Не обратила внимания, - все знают, какой наблюдательный она фотограф.

Аня открыла дверь номера и впустила мужа первым. Постель наполовину застлана, вещи нераспакованы, остатки скудного перекуса на письменном столе. Едва взглянув на это безобразие, Аня почувствовала приступ тошноты. Вернулась из туалета вся зеленая и села на кровать.

- Классно, лапуль! И ты от меня уходить собралась?!

- Да уж собралась, но задумалась…

- Иногда ты бываешь права.

Она хмыкнула и помотала головой. На иронию и споры не было сил.

- Поедем домой или останемся еще на денек? – осведомился муж.

- Решай сам. Мне уже все равно.

Вместо ответа он улегся на застланную половину кровати, закинув руки за голову.

- Можно устроить себе праздник по такому случаю. Покатаемся по рекам и каналам… только сначала посплю, а то всю ночь крутил баранку…

Технологии обольщения

В последнее время Жанну все раздражало. Особенно снег и гололед, необходимость тащиться на остановку и экономить на такси. Декабрь только наступил, а кажется, зима уже полгода. Уехать бы в теплую страну! Греться на солнце, плавать каждый день, никаких пуховиков и теплых колготок, свитеров и тяжелых ботинок!

Звонок. Салон красоты предлагает бесплатную процедуру. Жанна в такие заведения не ходила: там все красивые, ухоженные, фифы самоуверенные, а на ней будто написано: нюшка-лохушка.

- Быть может, кабинет здоровья? - вещала трубка спокойным голосом пожилой женщины, - Если есть проблемы с позвоночником…

Есть проблемы. Впрочем, боли в спине беспокоят нечасто, но у врача Жанна была лет пятнадцать назад. Почему бы не сходить? В четверг после работы.

Салон чистый, отремонтированный, уютный. Жанна заполнила анкету и села на диванчик. На столике журналы. Полистала. Чем только люди не маются! Интересно, были бы у нее деньги и куча свободного времени – стала бы она посещать такие места в погоне за красотой и молодостью?

Появилась врач. Высокая стройная девушка с длинными черными волосами. Халат наброшен кое-как и не застегнут, под ним черный топ и кожаные штаны. Стильные очки и шпильки. Звалась она Татьяной.

Жанна поплелась в кабинет, стараясь держать спину и смотреть уверенно. Во время дежурных вопросов о здоровье врач заполняла карточку. Раздеваться не просили - лишь оголить ступни и ладони. Мультискан все покажет.

- По соотношению костной, мышечной и жировой ткани, рост-вес – все идеально. А вот на правой ноге забиты сосуды. Со временем могут образоваться тромбы, варикоз. Это надо лечить. Скрутит – мало не покажется.

От позвоночника все. Коленки давно болели, плечо отсыхало, поясница трещала.

Врач спросила, прописывать ли лечение. Две тысячи в месяц. Жанна решила, осилит – меньше на шмотки потратит, здоровье важнее.

- Пойдем договор заключать? Пока такое чувство, что это лечение нужнее мне.

Таня объяснила, что в клинике крутятся миллионы, и на две тысячи они не разбогатеют. Сказала, приходят обычные люди – бабушки, дедушки, инвалиды, матери-одиночки.

- Мы не салон красоты, мы медицинская организация. Чудес мы, конечно, не творим, грыжи не лечим. Но до ремиссии доводим. О болях в спине забудете.

Пришли в другой кабинет, где сидела не менее гламурная особа. Пока она печатала договор, Жанне принесли чай. Сумму за лечение нужно вносить ежемесячно на счет банка. В итоге за два года пятьдесят тысяч. Жанна пыталась прочесть договор, но ничего не поняла в юридическом языке и подписала, лишь мельком проглядев. После Таня дала ей направление на МРТ, а когда будет готово – записываться на процедуры.

Мужу решила не говорить – он и не замечает, что она по вечерам задерживается. И все-таки что-то царапало. Пару раз чуть не завела разговор о посещении этого заведения. А что он скажет? Дура она круглая, набитая и непроходимая, развод чистой воды? Ладно, сама влезла, сама и разберется. Может, и правда поможет? В правой ноге под кожей будто черви копошатся…

В субботу Жанна записалась на МРТ. Восемь минут лежала в капсуле, как в гробу, и молилась. Зато выяснила, что клаустрофобией не страдает. В воскресенье не выдержала и рассказала сестре. Та поддержала – почему бы не полечиться? Однако на следующее утро позвонила и заявила, что полночи не спала, размышляя об их разговоре:

- Жан, бежать оттуда надо! Нет у тебя никаких тромбов! Помнишь, в прошлом году, когда тебя в больницу клали, анализы брали на тромбофлебит? И такой суммой ты не отделаешься.

Сон и аппетит пропали, а ведь только успокоилась! Посоветоваться было с кем - врачей знакомых полно, но она даже в интернете справки не навела. Страшно было узнать правду и понять, как сглупила. Надеялась, что помогут – как назло все разболелось, а вопли интуиции Жанна списала на жадность.

Позвонила Татьяне и сказала, что расторгает договор. Та не спрашивала почему, не переубеждала – видимо, привычная процедура.

В понедельник после работы домой не хотелось, и Жанна поехала к сестре. Только семья знает о ее глупости, с другими совершенно не хотелось это обсуждать. Сама от себя такого не ожидала, ведь всегда была здравомыслящей и благоразумной. Таня ей понравилась, но почему-то преследовала мысль, что никакой она не врач. Да и назначить лечение на столь длительный срок – не странно ли? Когда Жанна спросила, как ее будут лечить, Таня ответила:

- Сначала соглашайся, потом расскажу!

Ей бы встать и уйти. А она еще договор подписала на таких условиях. Ведь сказали, что больше той суммы не будет…

- Сказать можно что угодно, - буркнул муж.

Жанна почувствовала себя беспомощной и одинокой. Нет бы утешил, сказал, что все уладится. Ну, протупила, с кем не бывает! На то она и женщина… она так хочет научиться думать о людях хорошо! Оставить свою подозрительность и пресловутое знание жизни, в котором усомнился ее супруг. Но почему-то каждая попытка оборачивается плевком в душу или хороводом вокруг пальца. В лучшем случае.

Пока Жанна сидела на кухне у сестры и ела жареную картошку, Вера читала отзывы о клинике.

- Мужик пишет: обследуют, замогильным голосом сообщают, диагноз, пытаются развести на лечение. Та же навязчивость, что при продаже косметики, ряженые врачи. Хочешь, я с тобой съезжу расторгать договор?

Предложение Жанну порадовало. Для моральной поддержки действительно кто-то нужен. Себе теперь доверять страшно.

Однако муж с этим договором пошел к знакомому бухгалтеру и вернулся в трагичной ярости:

- Ты видела, какая там процентная ставка? Тридцать пять процентов годовых! Ты по миру пойдешь, без штанов останешься!

Потом немного остыв, сказал:

- Советуйся, Жан! Если есть проблемы, найдем к кому обратиться. Живешь как в парнике, а кругом одни проходимцы, все на деньгах помешались! Что тебя все крутит – то денег мало, то слишком много? Всем недовольна, куда тебя несет?

Не в силах ждать назначенного срока, они поехали в клинику-салон. Таня спросила, как зовут спутника Жанны, поздоровалась.

- Здравствуйте, девушка, - угрожающе пробурчал муж, - здравствуйте, красавица.

- Я уже записала вас на пятое.

- А пораньше нельзя? – почти взмолилась Жанна. – Я уже спать и есть перестала.

- Нет, мы отправили запрос в банк, только пятого они пришлют ответ. Придете и подпишите, что вы нам ничего не должны, а мы - вам.

Об МРТ Жанна умолчала – по направлению это бесплатно, но входит в стоимость лечения. А если не спросят, так и оставим. Сколько нервов она порвала из-за этой канторы!

На улице шел снег.

- Ну что, успокоилась? – супруг улыбнулся.

Жанна кивнула.

- Домой поедем или на работу отвезти?

- На работу.

Жаль, аппетит проснулся, а столовку закрывают. Единственное, что осталось – квашеная капуста и черный хлеб с чаем. В буфете еще есть пирожки.

Только Жанна расположилась за столом, зазвонил телефон:

- Меня зовут Ирина, я из недавно открывшейся клиники…

- Спасибо, меня это не интересует, - Жанна отключила мобильник и с аппетитом накинулась на капусту.

Длительная выдержка

В кои-то веки дела у Артема пошли в гору. В успех не верил никто – ни родители, ни друзья, переставшие мечтать и занявшие свои места в этом мире, ни возлюбленные, которым оказалось трудно поладить с творческим человеком. Ни даже коллеги по группе – кто-то играл еще в пяти командах, кто-то занимался сольными проектами, кто-то выпивал, кто-то осчастливил Артема только для развлекухи – играют же люди в футбол после работы, почему бы в рок не поиграть? Когда Артему это надоело, он стал подбирать музыкантов не по дружбе, а по профессионализму. Худо-бедно пошло-поехало. Только сайт хромал.

- Некоторые особо одаренные с него начинают, а ты все в соцсетях сидишь, - говорил Женька, лучший друг и программист, - разгребусь со своими делищами, возьмусь за твою визитную карточку.

Артем не торопил.

- Фотки нужны козырные. Волосатые стильные дядьки в героических позах. Ну, понимаешь…

Знакомый фотограф у Артема имеется.

- Извини, старик, я пока занят, - вздохнул Кирилл, - кину ссылку, обратись к одному человечку. Не откажет.

«Человечек» оказался миленькой девушкой. Студии у нее нет, снимает дома. А лучше выбрать пасмурный день и пофоткать на природе.

Артем не стал пугать девушку, явился один. Идея отчаянно ему не нравилась – он все-таки музыкант, а не рок-звезда. Если бы в наше время можно было зарабатывать продажей дисков, он закрылся бы в студии и химичил со звуком до одурения.

Девушка одета как парень: кроссовки, джинсы, огромный рюкзак, штормовка и бейсболка. А он-то вырядился в кожаный френч, распустил вихры, грохотал штиблетами по сухому асфальту!

- Пойдем лучше в парк, - предложила Надя, - волосы твои с кирпичной стеной сольются.

Об этом он не подумал. Впрочем, пусть профессионал голову ломает.

Благо в парке в будни народу мало, но те, кто был, смотрел на парочку с нескрываемым любопытством. Надя потратила несколько секунд на настройку, сделала пару пробных кадров, пока Артем гулял по дорожке, потом попросила обернуться, снять плащ, закинуть его на плечо, сесть на лавку…

- Да просто двигайся, я тебя поймаю.

- Признаться, перед такой техникой я теряюсь. Не мужское это дело.

- Девчонки тоже теряются. Сначала да, окей, позинг будет зашибись, а на деле – как перед расстрелом.

Фотограф с ним на одной волне – общительной ее не назовешь, и Артем чувствовал, что девушка делает над собой титанические усилия, чтобы расшевелить его. Однако вскоре творческий процесс ее увлек: в ход пошли анекдоты и «представь себе» - то полный зал, то летящие не сцену лифчики, то контракт на пару миллионов.

- Ладно, что-то да получится, - вздохнула Надя и, опустив фотоаппарат, стала разминать руки, - пришлю на электронку результат, может, плеваться будешь.

Вечером Артем получил несколько фотографий. Надо же, а он ничего! Ни красавец, ни урод, ни румян, ни бледен. Лютой обработки не заметил. Все реалистично, стильно, ничего лишнего. Он набил письмо, полное искренних благодарностей и напросился на студийную съемку. Надя согласна принять его одного.

В «живом журнале» девушка разместила портфолио – пейзажи, портреты, натюрморты. С этими ссылками Артем ознакомился в первый же вечер переписки. Но там еще много интересного: Артем прочел небольшую рецензию на незнакомую ему группу, а дальше – зачитался. Оформляло рецензию фото как из музыкальной студии – цифровое пианино, огромные колонки без сеток, ноутбук. Все это громадье живет в Надиной квартире. А в противоположном конце – торшер-«софтбокс», лампа на прищепке, белые зонтики, полиэтиленовые пленки, разноцветные ткани…

- Кофе сварить? – голос хозяйки вернул его в реальность.

- Не откажусь.

Пока она возилась у плиты, он ходил по единственной, но большой комнате, и разглядывал каждый предмет.

Кофе оказался классным. Он привык к растворимой бурде, а варить у самого почему-то не получалось.

- А ты, значит, тоже играешь? – кивнув в сторону пианино, спросил Артем.

- Бывает. Для себя.

- А по жизни чем занимаешься?

- Давай не будем о грустном.

Забавно это – сидеть в чужом дневнике ночь напролет. Незнакомый человек, параллельный мир. Причем такой, которым он и не думал увлекаться, но вдруг нашел столько созвучий.

Фотографировались, пока обоих не затошнило. Никто не предложил сразу посмотреть фотографии. Ему стыдно видеть себя в присутствии девушки, а она, должно быть, волнуется, не нашлепала ли кривых кадров и не захватила ли чего лишнего.

Придя домой, он обнаружил в ящике не только фотки, но и ссылку на стихи.

- Я снимаю в основном натюрморты, - писала она, - оформляю рассказы. Людей фиг найдешь и нужно письменное согласие, чтобы фотки публиковать.

- Но ведь Кирилл порекомендовал именно тебя, - ответил он.

- Пожалел. Я ему недавно изливалась, что с работы хочу уйти, спрашивала, реально ли фотками зарабатывать. Хорошо поговорили. Сошлись на том, что нереально, - смайлик.

- Почему же? – не понял он. – Все шикарно. Мои знакомые женска пола уже писают кипятком в «контакте», глядя на твои работы. Это чего-то стоит!

- Я бы попросила тебя расплатиться иначе, - появилось на мониторе, - помоги мне записать несколько песен. Я сама в этом дуб дубом и вряд ли научусь.

Оказалось, там писать нечего – голос под фортепиано. Ни сводить, ни мастерить… даже скучно. Спросил, не хочет ли аранжировать. Не хочет. Что ж, способ оплаты Артема устроил.

Еще через несколько дней он заехал к Наде ознакомиться с материалом. Она понятия не имела, как работать со звукозаписывающими программами, у нее не было даже микрофона. Пробовала записать на диктофон, снять видео, но качество убило наповал. Теперь Артем чувствовал себя намного лучше: он ехал помочь другу, а не корячиться перед камерой.

Надя пела красиво. Играла впрочем, тоже. Мелодии незатейливые, но запоминающиеся, голос не поражал диапазоном или прочими техническими характеристиками, но был просто приятен и узнаваем. Каждая нота затрагивала какую-то струну искушенной в музыке Артемовой души.

Текстов он не расслышал, но кое-что успел прочесть на сайте. Надрывные, почти мужские. Сейчас, глядя на хрупкие руки на клавиатуре, слыша нежный девичий голосок, он не верил, что их написала эта самая девушка.

- Слуууушай, - многообещающе протянул он, - где ж ты раньше была? Почему я никогда о тебе не слышал, нигде не видел, не читал? Люди с чем только не лезут, а ты сидишь с таким контентом!

Надя потупилась.

- Да, всего понемногу, а в итоге – ничего.

- Брось! Небось, и обложку сбацала к альбому, да? Такие «ничего толком» просто другим не доверяют. Свой мир видят целиком.

Она промолчала и улыбнулась. Она часто улыбалась и громко смеялась. Но грусть в глазах не исчезала никогда.

Пожалуй, она права – ничего добавлять не надо, под фортепиано эти песни звучат таинственно, интимно и, как ни странно, разнообразно, хотя Надя не изощрялась в технике и в подборе аккомпанемента. Артем установил программу, подключил микрофон и записал с первого дубля одну песню.

- Я думала, будешь сводить вокал отдельно?

- Попробуем и так, в следующий раз, - он видел, что она устала, выложилась при исполнении, - ошибусь, если предположу, что эти песни мало кто слышал?

- Не ошибешься, - Надя вздохнула, - всего двое.

Женя корпел над сайтом, Артем репетировал с группой, готовясь к ближайшему концерту. С Надей переписывался почти каждый вечер. Когда время позволяло, читал ее стихи. Некоторые даже выпросил себе для песен. Она, казалось, потеряла счет своим творениям, не относилась к ним всерьез, не прорабатывала.

- Придешь ко мне на концерт?

- С фотиком?

- Можно.

Она ответила, что у нее не такой уж хороший объектив и фотки на длительной выдержке могу получиться размытыми.

- Не в газету же их отправлять, - набил Артем, - а на память было бы здорово.

Она пришла. Он видел ее то у сцены, то сбоку, то в проходе. Щелкала только в начале, как многие другие. А потом слушала музыку, покачиваясь в такт. К середине концерта Артем поймал себя на том, что видит в зале только ее. А она не дождалась его после. Он искал ее, но так и не нашел. Вскоре услышал смску – Надя извинилась, что ей пришлось уйти. Фотки обещала прислать, как обычно.

Ребята давно разошлись. Надя устроила фотосет на репетиционной базе, а потом они с Артемом загружали осветительные приборы в машину. Перетаскав их после перевозки в Надину однушку, Артем по-хозяйски включил компьютер, а Надя, уже не спрашивая, стала варить кофе.

- Не хочу сегодня ничего записывать, поиграй лучше ты, - не отворачиваясь от плиты, попросила девушка.

Артем давно оставил здесь одну из своих гитар. Он тоже не хотел ничего играть, но отказать Наде не мог. Кофе зашипел. За окном зажглись фонари. Надя включила свет только над вытяжкой. И он запел новую песню на ее стихи – никому из ребят еще не показывал.

- Это я что ли? – Надя рассмеялась, поставив перед Артемом чашку кофе.

Он слышал ее улыбку в полумраке. А затем – не то вздох, не то всхлип.

- Надюш, ты что?

- Ничего-ничего. Играй.

Он отложил гитару, подсел поближе к девушке. В глазах ее блестели слезы, но она упорно твердила, что все в порядке. Артем притянул ее к себе, обнял и погладил по голове. Она не сопротивлялась. Поцелуи соленые от слез, горячие и горячечные.

- Нет, Тём, не надо, не надо… - Надя высвободилась из его объятий, вскочила и подошла к окну.

Он тяжело вздохнул, откинул волосы с лица. Душно здесь, даже слишком.

- Да, прости.

Он увидел ее заплаканное лицо, отраженное в оконном стекле.

- «Вот и бою конец, отдохни от дороги. Старый мир отпусти, и покой здесь найди». Это уже я.

Она молчала. Тому, кто умел читать и слушать, ее музыка и картинки сказали все. И не было стыдно за корявую рифму и дрожащий голос.

2016

Миниатюра о любви

- Привет. Узнаешь?

Она молчала, боясь предполагать. Никогда еще догадки не подтверждались, и хорошо, если собеседник не обижался.

- Нет, - ответила она.

Собеседник представился. Сердце дрогнуло. Чем обязана? Нет слишком претенциозно. Еще решит, что ей до сих пор есть до него дело.

- Ааа, привет.

- Как жизнь?

- Прекрасно. А у тебя?

- Как всегда. День рождения сегодня.

- Помню.

Это было зря. Он, как и следовало ожидать, удивился и обрадовался.

- Сорок лет, представляешь?

- Нет.

- Да, разумеется, - звонит просто потому, что хочет сделать себе подарок в виде ее голоса. И он совершенно трезв, не надо наговаривать.

- Глупо ждать поздравлений, вот и решил позвонить сам.

- И что же? Пост на дворе, пить с тобой не буду, - усмехнулась она, с удовольствием отметив, что сердце больше не заходится от его голоса, - а говорить со мной по-прежнему не о чем.

- Фу, как пошло! Малыш, ну зачем ты так?

Сколько лет прошло... С ума сойти! Она могла познакомиться с нормальным человеком, выйти замуж и родить ребенка за такое время. А она до сих пор слушает в трубке голос из прошлого.

- Больше тебе не с кем отпраздновать?

- Сорок лет не празднуют – примета плохая. Но ты ведь не веришь?

- А мне-то зачем верить? Мне ж пока тридцать…

Бестолковый разговор. С одной стороны мучительно хотелось его закончить даже без прощаний, но другой… любопытство? Остатки влечения? Воспоминания?

- Как же Алёна?

После некоторого молчания он спросил:

- Откуда ты знаешь?

- Следила за твоей жизнью какое-то время.

- Сейчас не следишь?

- Пытаюсь жить своей.

На ее вопрос, почему он замолчал, он ответил, что переваривает информацию.

- Тогда я отключаюсь?

И не дождавшись ответа, она выключила трубку, с трудом поборов желание запустить ею в стену.

* * *

Он ждал ее весь вечер. Народ приходил и уходил, в кафе менялся свет, музыка. За окном зажглись фонари, зашумели машины – кажется, вечером движение интенсивнее. Первые две чашки кофе так хорошо пошли, так бодрили! А последующие он буквально вливал в себя, добавляя то коньяка, то виски.

Она знает о нем все. Он перед ней – открытая книга. И конечно, ей не все равно. Ведь следила, не забывала. И сейчас не забыла, хотя давно удалила его номер и отвыкла от его голоса. Она придет, она же добрая. С чего он взял? Женщины все одинаковые, ему ли не знать! Влюбляются без оглядки и исчезают так же стремительно, как появились. С такой внешностью, деньгами, поклонницами и талантами – один. Вся жизнь – ни о чем. И каждое утро – заставить бы себя жить. Каждое утро поиск смысла и напоминание о безвозвратно ушедшем времени. О людях, которых не удержал, о жизнях которые разрушил.

Почему она? Почему ей позвонил? Глупость. И все-таки он ощущал ее присутствие. Она где-то здесь, возможно ходит рядом, мимо этого кафе и борется с собой, чтоб не зайти.

Или это только домыслы?

Еще одна чашка. Не много ли кофе в коньяке? Великий пост. Однако он больше привязан к гороскопам, чем к православному календарю. Наверное, потому она и не придет.

- Счет, пожалуйста.

Это не худший день рождения в его жизни. Вообще, зачем их отмечают? На этот вопрос его отец еще лет тридцать назад ответил: все празднуют, и мы празднуем.

Последний взгляд в окно, на тонущий в огнях город. Он любил смотреть на него из окна машины, будто со стороны. Однако из светлого помещения наткнулся взглядом на собственное отражение в стекле. Опущенные уголки губ, уставшие глаза, поредевшие волосы. Он неплохо выглядит в свои годы. Но все равно никуда от них не денешься.

Увядающая роза осталась на столике – вместо чаевых любезной официантке.

Две жизни

Безлюдная улица, снег под ногами, фонари справа. Пост подкрался незаметно: уже завтра неделя о Закхее. Раньше Кристина любила это время даже в ущерб пасхальной радости. Теперь все безразлично. Духовная жизнь – тема, о которой думать не хочется.

Пишет сокурсница – приглашает на концерт в ресторане. Рина – Екатерина, но творческая личность раздует из имени брэнд. Преподает вокал, ставит спектакли с детьми, поет в какой-то группе, выступает на торжествах. Муж ее – виртуозный пианист и тоже преподает, играет в двух командах, вместе что-то мутят…

Кристина написала, что пойти не с кем. Рина ответила, что у них заказан столик, присоединяйся.

* * *

В храме еще не заделали крышу, холодно до ломоты в костях. Хоть дождь на голову не льет, и то слава Богу.

- Волшебный у вас голос, - подошла после службы какая-то женщина, - спасибо за ваше пение!

Одно время терялась от таких комплиментов. Техника техникой, но красота тембра - не твоя заслуга.

Что напялить на концерт? Длинную юбку и дешевую нейлоновую куртку? Когда она в последний раз была в таких местах?

Рина – полная противоположность Кристины. Высокая, по-цыплячьи тощая, если приглядеться. Волосы черные, длинные и кудрявые. Кристина вполовину ниже и во столько же пышнее. Но то было раньше – теперь она сильно похудела. Дойдешь от жизни такой. Поесть некогда, тем более в посты. Со службы на работу, и опять на службу. Незаменимая Кристина.

Наверное, потому Господь и не дал детей – не на кого храм кинуть. В других по десять человек в хору – все орут, и я ору.

- Кристюш, привет! – наклонившись, Рина коснулась Кристининой щеки своей щекой и чмокнула воздух над ухом. – Присаживайся, выбирай что-нибудь.

В полумраке зала настраиваются музыканты. Кристина села в пухлое зеленое кресло. За столом уже разместились трое неизвестных.

На Рине маленькое черное платье и не в лад к нему ботильоны. Впрочем, ноги у нее длинные и тонкие, такие не урежешь. Голос сокурсницы никогда не нравился Кристине – Рина выбрала специальностью эстрадно-джазовый вокал. Пела на улыбке, звучала как мяукающая кошка. На сцене держится уверено, кайфуя от эпизодического внимания и жидких аплодисментов. Может, это и правда подпитывает? Кристине казалось, ее бы утомило, даже пробовать не стоит. В храме поешь Богу, помогаешь людям молиться. Никто на тебя не смотрит, не оценивает, как товар. Ты – нечто вроде проводника. Разумеется, если голос хрипнет или срывается, а такое бывает со всеми и всегда, - коробит, но не критично. Для Рины это был бы конец света. И ей как-то удавалось быть безупречной.

Супруг не аккомпанировал, а сидел напротив Кристины. Высоченный, худой, с резкими чертами лица, в меру общительный.

- Вы учились вместе? – спросил он Кристину.

- Да.

- По специальности трудитесь?

- Можно и так сказать.

Думала, на этом его интерес к ее тусклой персоне иссякнет, но ошиблась.

- Поете или преподаете?

- Пою на клиросе.

После такого заявления о вторжении в личное пространство можно не волноваться. Даже если человек не знал, что такое клирос, считал за благо промолчать.

В пору увлечения роком Кристина слышала заявление группы «Ария», что они никогда не будут играть на корпоративах, под водку и колбасу. Интересно, как дела обстоят сейчас? Пластинки давно не продаются, а на концерты ходит все меньше народу. И все же, в ресторане люди больше заняты едой и разговорами, а музыка – для фона.

- Эй, красотка! А «Мурку» знаешь? – прорезался вопль дозревшего клиента.

Ринин супруг сжал губы и кулаки.

- После основной программы исполним, - проворковала Рина со сцены.

- Не верится, что «Мурка» настолько бессмертна! – Кристина усмехнулась. - Я думала, тут публика более интеллигентная.

- В целом да, но всякое бывает.

После концерта Рина подсела за столик и заказала себе пасту карбонара.

- Ну как, не жалеешь, что пришла? – тряхнув надушенными волосами, спросила она у Кристины.

- Нет, спасибо за приглашение. Ты молодец.

Вместо ответа Рина лишь улыбнулась.

- Как ты? Как Саша?

- Мы расстались.

Удивление сокурсницы выразилось во взгляде на Кристинины руки. Обручального кольца давно нет.

- Извини, я не знала.

- Да ничего. Жизнь продолжается.

Вымолила мужа и отпустила.

- А в храме еще поешь?

Кристина кивнула.

- И хватает денег? Там же копейки!

- Подрабатываю.

Рина не спросила где, и Кристина не вдалась в детали. Она никогда не сообщала лишней информации, не оправдывалась, не высказывала мнений, пока не спрашивали. Слова, как и ноты, требуют уважения.

- Вина не заказали? – обратилась Рина к мужу.

- Тебя ждали, - ответил тот, - давай отпразднуем твое выступление.

- Первое в своем роде, - пояснила Рина для сокурсницы.

- А можно водки? – решилась Кристина.

- Прекрасный выбор!

Ледяной «Абсолют» обжег нутро, но через минуту согрел. Люди вокруг о чем-то говорили, смеялись, потягивали вино. После второй рюмки Кристине стало приятно просто находиться рядом. Главное, чтоб никто не лез, ни о чем не спрашивал и не смеялся над ее убогой жизнью. Поэтому она умеет создать вокруг себя ореол тайны.

В последнее время часто обращалась с глупыми вопросами к Богу. Такого служения Ты требуешь? Тотального? Храмовая жрица! Все на алтарь. Что ж, бери. Разве есть выбор? «Мурку» поздно учить. Да и отмываться от сальных взглядов или отбиваться от подвыпивших заказчиков – то еще удовольствие. Наверное, за него и платят в двадцать раз больше,

чем в храме. Бог - ревнитель. Еще сляжешь паралитиком – пока хоть на своих двоих сквозь жизнь протаскиваешься.

Супруг сокурсницы вызвал Кристине такси. Компания оказалась настолько учтивой, что не растеклась, пока не убедилась, что Кристина не ошиблась машиной.

Все-таки вечер был неплохой, но после одиноко вдвойне. И музыку слушать не хочется, и смотреть нечего. В интернет лезть – вообще помойка. Времени жалко. Даже такого, которое девать некуда. Вот тебе и голос волшебный. Или ангельский. Смеялась в студенческие времена над клипом «Скорпионов» на «Сэнд ми эн энджел» - дескать, ангел там на бомжа похож. Так, наверное, по жизни и бывает…

Странная пара

Юлия Арнольдовна жила в доме номер семь уже много лет. Со счета сбилась сколько – как замуж вышла, да уж супруга давно схоронила, и дети разъехались. Юлии Арнольдовне тяжело было смириться с тем, что дом, казавшейся ей в молодые годы таким огромным и шикарным, стал ветшать, а цены на квартиры здесь были едва ли ни самыми дешевыми - как за городом или в малопрестижных районах с неразвитой инфраструктурой.

Юлия Арнольдовна не относилась к так называемым кумушкам на лавочках, да и лавочек во дворе почти не осталось, что сильно расстраивало – порой хотелось выйти с книгой, погреться на скупом сентябрьском солнышке или поболтать с соседками. Их, правда, тоже почти не осталось.

Юлия Арнольдовна умела знакомиться как в старые времена – легко и естественно. Разумеется, времена изменились – раньше соседи ходили друг к другу в гости без приглашений и предупреждений, порой даже без стука, толкая вечно открытую дверь.

Парочку, поселившуюся в доме несколько недель назад, Юлия Арнольдовна приметила сразу – да и как иначе, если в доме всего восемь квартир? Парень и девушка, без детей и личного авто. С крайне неопределенной занятостью. Она могла не выходить на улицу весь день или напротив, пропадать до вечера. Он вообще редко и ненадолго уезжал. Только в выходные пропадал неизвестно где. Друзей они не приглашали, вели себя тихо и чинно.

Однажды утром Юлия Арнольдовна наткнулась на девушку в общественном коридоре. Со стороны это должно выглядеть именно так – наткнулась. Мол, шла старушка по своим делам, в поликлинику или белье развесить после ранней стирки. На самом деле это и есть самое удачное время для знакомства – ненавязчивого и естественного. Девушку зовут Вика.

Она очень извинялась, что не может поболтать с соседкой – на работу спешит.

- Конечно, я тоже убегаю, - засуетилась Юлия Арнольдовна, - но так на всякий случай, если что понадобится – обращайтесь, всегда помогу, чем могу. Как-то не по-людски жить в одном доме и друг друга не знать.

Девушка улыбнулась, кивнула и поблагодарила. Голос невыносимо тихий, движения быстрые, резкие.

Парня Юлия Арнольдовна долго не могла выловить. Кажется, не собирался он сегодня вообще никуда. Странно как-то стали жить… впрочем, внуки рассказывают, что нынче многие работают дома и не меньше зарабатывают, а то и больше. В одиннадцать вернулась Вика, а через полтора часа вновь куда собралась – одета уже иначе и уходя к остановке, кивнула соседке. Не может же быть, чтоб муж у нее такой тунеядец, а она его обихаживает? Вика не похожа на заезженную лошадь – всегда с улыбкой, одета с иголочки, волосы завитые. Парень же чуть выше ее и тоже худощавый, такой же немногословный. Только волосы у него темные и со временем, вероятно, убегут с умной головы.

Наконец Юлия Арнольдовна увидела, как к новым соседям в гости пожаловала семейная пара. Или не очень семейная – нынче с этим полный бардак. Засиделись они допоздна и уехали на такси. Еще как-то заметила во дворе маленькую бордовую машинку – подруга у Вики пробыла недолго, часа два. В один из погожих деньков Вика пришла с другой подругой и долго фотографировала ее на фоне всех гаражей и сараев, что вызвало у Юлии Арнольдовны острый приступ раздражения, и она уж было собралась высказаться по этому поводу, но передумала. Гаражи ей жалко? Свой она сдавала в аренду и хоть что-то за него получала. Кстати, его девушки своим вниманием обошли, будто знали. Нет, ну помешались все на этих селфи или как их там! Что тут снимать-то, в старом дворе!

Подруга Викина меняла куртки, шляпки, шарфы, и кажется, чувствовала себя перед камерой вполне ловко. Вика чуть на землю не хлопалась в поисках нужного ракурса. Девушки над чем-то смеялись, но не слишком громко. Муж Викин в этом веселье не участвовал.

Кто-то из соседей мужеска пола высказался о Паше – именно так звали Викиного супруга: дескать ни о чем парень, ни украсть ни покараулить. И буквально через два дня Паша починил старую лавку во дворе. Юлия Арнольдовна не могла нарадоваться и от души благодарила молодого человека. Сами-то эти мужики только критиковать горазды, а палец о палец не стукнут ради общего блага.

- А где супруга ваша? – осведомилась Юлия Арнольдовна, когда Паша складывал инструменты.

- Какая супруга?

- Ну, Виктория, - растерялась соседка, - или у вас еще есть?

- Ааа, - Павел улыбнулся, - мы не женаты. На работе, наверное. Я ее не допрашиваю.

И ушел, а Юлия Арнольдовна только руками развела. О времена, о нравы! Хорошо хоть свободная любовь не процветает, хотя кто их разберет...

Середина сентября выдалась теплая и солнечная – видимо, компенсация за ненастное лето. Юлия Арнольдовна с удовольствием проводила дни на сделанной Павлом лавочке, читая взятые в библиотеке книги. Она чувствовала, что Вика избегает выходить во двор, когда там кто-то есть, но лавочка стояла под старой черемухой, и из окон второго этажа почти невозможно увидеть, сидит ли кто там. Вика вышла развешивать белье в одно пятничное утро.

- Виктория, вы бы тоже вышли погреться, отдохнуть, - отложила книгу Юлия Арнольдовна, - спасибо Павлу, так порадовал!

- А, здравствуйте, - отозвалась Вика из-за простыни, - сейчас повешу и присяду.

Небось, не очень-то ей хотелось судачить со старухой, да отказаться причин не придумала.

- Давайте я чаю принесу, - хлопнув пустым тазом по ноге, предложила Вика, - хорошо почаевничать на свежем воздухе, правда? Вы не замерзли?

- Что вы, милая! – Юлия Арнольдовна потеребила вязаный плед в доказательство своих слов. – А от чая не откажусь, если это вас не обременит.

- Нисколько! – улыбнулась девушка и тут же ринулась в подъезд. Не прошло и десяти минут, как она вернулась с подносом, груженым электрочайником, кружками и печеньем. Поставив поднос на лавку между собой и соседкой, она застегнула жилет и принялась разливать чай.

- Надо было мне пирожок испечь, - посетовала Юлия Арнольдовна, - яблочный. Я когда-то поваром работала на Шпицбергене, мы там жили с мужем. Зарплата хорошая была, условия, правда, почти нечеловеческие. Но готовить люблю. Теперь, увы, не для кого. Знамо дело хоть вас порадовала бы.

- А я вот совершено не люблю, - призналась Вика, - тем более сейчас почти все есть в магазинах, по ценам доступно, а время дороже.

Разговорились. Она – дирижёр-хоровик, по утрам регентует в храме, а днем репетирует со студенческим хором, и они часто выступают. Павел пишет статьи и проектирует сайты. Эта сфера так и осталась загадкой для

Юлии Арнольдовны, но она уяснила, что с такой работой можно месяцами не выходить из дома.

- Он еще и компьютерщик, выезжает на заказы, но такое бывает не каждый день.

Юлия Арнольдовна рассказала Вике, каким помнит этот дом двадцать-тридцать лет назад, и как ей горько, что все изменилось. Как пусто и одиноко стало во дворе, а раньше мужики постоянно резались в карты и домино, женщины обсуждали сериалы и книги, а сколько было детей! Для них тут не то что детская площадка была, но кое-что имелось, а потом вывезли за ненадобностью уже развалившееся и облупившееся.

- Вот Данила с Ирой – уж сколько живут, а детей все нет и вряд ли будут, между нами говоря, - Юлия Арнольдовна понизила голос, - а Санька – жили-жили, потом поженились и тут же разбежались. Все хорохорилась – одна не останусь, а вот сидит уже пятый год, одна, вся в работе, да подружки приезжают иногда. Может, вы хоть оживите этот дом…

- Вряд ли, - усмехнулась Вика, размачивая в чае печенье.

Ну вот, приехали! Эти и вовсе детей не хотят, или привела свободная любовь не пойми к чему! – уже подумала Юлия Арнольдовна, но прежде чем решилась добавить что-то вслух, Вика продолжила:

- Мы живем как брат с сестрой. Мы старые друзья и каждый из нас хотел съехать от родителей, но пока материально не тянем. По отдельности. Вот и решили объединиться.

- Да вы что! – ахнула Юлия Арнольдовна. – Милая моя, простите, что я такого о вас уже надумала…

Виктория кивнула – догадалась, мол.

- Но как-то это странно, почему бы не с подругой снимать квартиру?

- Нет у меня таких подруг. Кто замужем, кто в столице. А с Пашкой легко – он целыми днями за компом ковыряется, я к нему не лезу, он мне не мешает. Так и живем. А дома – кажется, мама каждый звук ловит, и вечно я как под прицелом. Вот холодильник открыла, вот из комнаты вышла, конфорку разожгла, собралась куда-то. И летит – то кормить, то провожать. Не работает уже и из дома дальше магазина не ходит, но сил хоть отбавляй – лезет в мою жизнь, как в свою. Бесполезно говорить, что мне это не нравится, что я уже выросла. Точнее переросла роль маминой и папиной дочки, но пока живешь с ними – иной роли не предусмотрено.

Юлия Арнольдовна начала оправдывать мать - мол, конечно, она волнуется, она заботится, ребенок для нее всегда маленький и т.п. Вика молча кивала и угукала, но в конце тирады сказала, что забота, о которой не просят, жутко напрягает – будто ходит за тобой мелкая собачка и постоянно что-то выпрашивает, смотрит на тебя голодными глазами, полными

обожания, ловит каждое движение, каждый жест и каждый взгляд. Почему-то, когда такое отношение проскальзывает у влюбленных пар, это раздражает всех, включая самого любимого. А когда говорят о стареющих матерях – это естественно, и если сопротивляешься – становишься ужасной дочерью, эгоцентристом и домашним тираном.

- Я ведь уже жила одна, - наливая еще чая, продолжила Вика, - на свои средства, никто мне не помогал. Потом пришлось квартиру освободить и вернуться к родителям. Жуть как не хотелось, но так сложились обстоятельства.

Соседка кивнула, участливо слушая.

- Я изо всех сил не хотела откатываться назад. Взрослеешь только когда живешь один или когда создаешь собственную семью, где уже ты хозяйка и мать. Господи, зачем я вам это рассказываю! – девушка улыбнулась и погладила старушку по руке. – В общем, прожила я так год, и поняла, что больше ждать нечего. Все надеялась, что начну побольше зарабатывать и осилю свое жилье, но как назло все дорожает, кроме зарплаты. А тут встретила Пашу на концерте. Много лет не виделись, хотя знакомы давно. Вот и выяснилось что он тоже пока один, с работой все нестабильно, но съехать от своих давно решил. Я предложила такой вариант.

- А он? – рассмеялась Юлия Арнольдовна. – Неужто такое общежитие ему легко дается?

- Он сначала не понял, потом артачился, а потом говорит – почему бы и нет? Оказалось очень даже весело нам живется – можем по полночи на кухне трындеть, то под чай, то под коньяк. Я его статьи правлю, он мои партитуры выслушивает. У каждого есть дело и увлечение, так что мы друг другу не мешаем, а захочется пообщаться – стукнем в дверь, кино вместе глянем или прогуляться пойдем.

Вот ведь как бывает, - думала Юлия Арнольдовна, когда Вика уносила поднос домой. А раньше, те же тридцать лет назад, вполне могла допустить такую мысль – почему бы не жить так, как друзья? Про Саньку ведь она одно время так и думала, да внуки наивной обругали. Теперь и видится везде пошлятина всякая. Заразили. Нет, дескать, ни нормальных мужиков, ни порядочных женщин, ни чистых отношений. Поверила, дура старая.

А может и лукавит Вика, что любви никакой у них нет? Может, развлекает бабку историями за чаем или не хочет, чтоб думала о них плохо? Видела ведь, с какой нежностью этот Паша на Вику смотрит, а она к нему не иначе как «Пашенька» обращается, и его это, кажется, не раздражает. Кто разберет, как на самом деле?

Городские зарисовки

Эмма ворвалась в кафе запыхавшаяся и раздраженная. На улице уже здорово похолодало, как и положено в середине октября, но ей было жарко. На работе ничего не ладилось, да еще подруга позвонила и присела на уши со своими драмами. А Эмма возьми да признайся, что устала ее выслушивать. Лариса умела повернуть все так, что она – чуть ли ни бескровная мученица, а Эмма – последняя эгоистка.

Вот и поговорили, - Эмма отключила телефон и убежала обедать, предвкушая, как закажет коньяк или, на худой конец, бокал вина. Пить днем она категорически не любила, но с кипучей энергией надо как-то расправиться. Идти в спортзал голодно.

В светлом и по-детски ярком кафе пахло молотым кофе и пиццей. Выбирая столик, Эмма замерла: у окна, подальше от телевизора, сидел мужчина. На первый взгляд ничего особенного, но Эмма почему-то позволила себе его рассмотреть. Он помахал ей рукой и улыбнулся. Неужели Артур? Точно! Вот так встреча! Она кивнула и хотела уже занять столик в противоположном конце зала, но он поманил ее к себе.

- Если никого не ждешь, составь мне компанию, - он встал и отодвинул для нее стул.

- Я думала, ты заезжаешь обедать домой…

- Сегодня работал в этом районе. А ты какими судьбами?

- Я теперь тоже тут работаю.

Он кивнул, растягивая звук «а».

- Потрясающе выглядишь.

- Спасибо, знаю, - Эмма улыбнулась, расстегивая новое пальто. К нему же недавно купила полусапожки и сменила опостылевшие джинсы на кожаные брюки, - а ты зря подстригся.

Он развел руками, будто оправдываясь. Эмма знала, подстригся он еще года два назад, но в какой-то момент запретила себе следить за его жизнью.

Принесли меню, и на какое-то время Эмма погрузилась у него. Злость на подругу и на работу уступила место удивлению и раздумьям, как продолжить разговор. С Артуром они общались недолго, но крайне деструктивно для Эммы. В ожидании заказа она рассказала ему, как сменила работу, как стала частным предпринимателем и какие проблемы это повлекло за собой. Жить стало интереснее, доход ощутимо вырос и оказывается, деньги решают многие проблемы – хотя бы жилищные, образовательные, здравоохранения и с внешностью.

- А с личным? – внимательно выслушав, спросил старый знакомый.

- Есть и личное.

- Само собой. Неужели у такой шикарной девушки может не быть!

В последнее время Эмма следовала теории, что всего можно добиться и всему научиться, если не сидеть, отвлечено мудрствуя, а сразу перейти к отработке. Нельзя теоретически общаться с людьми и легко знакомиться. Последнему она и решила научиться. Так в ее жизни появился Виктор, который не исчез даже после того, как Эмма призналась, что влюбился он не в нее, а в то, что она неумело изображала.

- Я люблю тебя даже когда ты сутками молчишь. Более того, друзья мне завидуют!

Она же позволяла себя любить. Такое было для нее новым – раньше любила только она, и всегда это заканчивалось тяжелейшими травмами, жизненными руинами и муторным восстановлением. Попытками вновь полюбить жизнь и научиться доверять людям. Попытками поверить в себя и признаться себе в чем-то неприятном. Убедить себя, что просто не повезло, это не приговор. Внешне она всегда была независимым человеком, но душой так прикипала к людям, что десятилетиями не могла оторваться даже когда от этих людей ничего прежнего не оставалось.

- У тебя тоже, - Эмма кивнула на Артуров окольцованный перст, - как на этот раз? Повезло?

- Надеюсь, - он улыбнулся, чуть прикрыв глаза, - дочку знаешь как назвал?

- Естественно нет! – дочка у него родилась этой зимой.

- Тезка твоя.

- Да ты что! – Эмма чуть не подпрыгнула на стуле. – Я не обольщаюсь, помню Джейн Остен.

Принесли заказ, в том числе бокал красного вина.

- Понимаю, что не обольщаешься, но Остен тут не при чем.

Повисла неловкая пауза. Эмма потянулась к бокалу с вином и сделала несколько глотков.

- Возможно, если когда-нибудь у меня будет сын, я отыграюсь.

- И скажешь всем, что назвала его в честь Беркута!

Артур научился смеяться. Улыбка у него немного хищная, зубы мелкие и острые.

После вина Эмма повеселела и расслабилась. Артур не может выпить с ней, но признался, что жалеет об этом.

- А ты как-то рано начала, нет? Я не занудствую, так просто…

- Да на работе кое-что выбесило и подруга, - отмахнулась Эмма, - уже лучше, вина вполне достаточно.

- А жених твой чем занимается? – Эмму несколько удивило, что Артур именно так назвал Виктора.

- Автомобилями.

Визави не уточнял, гонщик ли он или у него свой автосалон.

- Ты его любишь? – спросил он вдруг.

При сложившейся дистанции вопрос Эмму удивил, но не возмутил, и она не стала разыгрывать возмущение. Она все ждала и боялась, что ее накроет волна болезненной нежности и умопомрачительной страсти к этому почти чужому человеку. Разумеется, она не пойдет на поводу и не разрушит все, что создавала после крушения. Но и волны не было.

- Знаешь, мне приятно готовить ему ужин и смотреть с ним кино. Я с нетерпением жду его звонков и самых безбашенных предложений. Я могу быть собой и ничего не стесняться, не бояться быть смешной, глупой, слабой и так далее. Голова кругом не идет.

- А со мной шла? – усмехнулся он и посмотрел ей в глаза.

- Бежала! – почему-то теперь легко стало в этом признаваться.

- Тогда выходи за него. Семью создаешь – не свитер покупаешь. Трезво надо на человека смотреть.

Ее мама говорила то же самое, почти теми же словами.

- Вот уж никогда бы не подумала, что мы если и встретимся, так побеседуем…

- А мне ведь хотелось встретиться и поговорить. Так, как мы не успели. Как ты, наверное, говоришь с ним – с любимым человеком. Осталось послевкусие упущенной возможности.

Эмма не стала припоминать, почему не успела раскрыться в общении и почему, пойдя на некоторые уступки, перестанешь себя уважать. С собой надо как-то жить. С собой точно, с кем-то другим – вопрос. Особенно если этот другой даже не думает тебя уважать.

- Ладно, пора мне, - Эмма позвала официантку, и та принесла счет.

- Да, мне тоже, - спохватился старый знакомый, - рад был тебя увидеть.

Ушел раньше – Эмма слишком долго застегивала шикарное пальто. Хорошо, не пришлось садиться за руль – офис в двух шагах. Хотелось как в старые времена: автобус с местом у окна, прислониться к стеклу виском и глядеть на серый осенний город, в котором ты – такая же потерянная и одинокая, никому ненужная и неприкаянная. Хотелось остаться одной и погрустить. Или предаться ностальгии. Но жизнь продолжается, а вместе с ней и рабочий день.

* * *

Виктор строил дом, в который они планировали переехать сразу после свадьбы. Они и сейчас проводили там много времени. Эмма приехала в этот еще строящийся, пахнущий краской и древесной стружкой дом и как всегда попыталась представить в нем жизнь, а себя - хозяйкой. Получалось плохо, но ей доставляло радость гулять по магазинам, особенно по посудным отделам, и рассматривать разноцветные тарелочки, полотенца, коврики, совершая мысленные покупки. Она знала, что не будет стеснена в средствах и сможет сделать из этого скелета полнокровный домашний очаг.

- Что это ты такая, малыш? – встретил ее Виктор.

- Какая? – растерялась Эмма.

- Странная.

- Страньше обычного? – отшутилась она.

Он кивнул. Она сказала, что встретила старого знакомого, «вспомнила молодость» и немного загрустила. Виктор не пристал с допросом, решив, наверное, что Эмма вспомнила молодость как таковую и загрустила, как быстро летит время.

После ужина Эмма заехала к маме и рассказала ей о встрече.

- И что, у тебя теперь душа не на месте? – мама помнила мучительную влюбленность дочери и априори воспринимала Артура в штыки.

- Все на месте, мам, - усмехнулась Эмма, - просто забавно, правда? Особенно, что он дочку моим именем назвал. Говорил, что любит это имя, я тут не при чем, конечно.

- Конечно.

Про тяжкие раздумья на счет свадьбы Эмма уже не заводила разговоров. У мамы была похожая ситуация – бешеной влюбленности к отцу она не испытывала, но поняла, что его чувства испытывать не стоит. И вот уже сорок четыре года они живут душа в душу. А на гормонах далеко не уедешь. Точнее, уедешь так далеко, что потом не знаешь, где себя искать.

- Да тут еще Лариска со своими драмами, - махнула рукой Эмма, - то на них глядела и верила, что счастье вместе возможно, а теперь… в гробу я видала такую жизнь!

Виктор влюбился в нее с первого взгляда, и инициатива их сближения исходила от него. Эмма не сопротивлялась. Никогда он не влюблялся и не понимал, о чем говорят друзья, о чем пишут в книгах или показывают в кино. Почему взрослые мужики распускают слюни по всей Москве, бросают семьи, разоряются в прах. Хотел испытать, но не получалось. Над ним смеялись, крутили пальцем у виска и даже завидовали, но Виктор чувствовал себя неполноценным. И вот накрыло, когда уж и думать забыл о своей мечте.

Эмма же боялась связывать с ним судьбу пока он в таком состоянии. Ей оно знакомо не понаслышке. Виктора это страшно бесило, хотя он пытался не показывать. Раздражал ее покровительственный тон, ее заявления, что это сейчас кажется навечно, а через два года усомнишься в своей адекватности. Но больше всего его бесило то, что не он был причиной тех ее состояний.

- А что если бы сложилось с теми, кого любила, ты бы их непременно разлюбила и разрушила бы семью? – вопрошал Виктор.

- Разумеется, нет, - отвечала она.

- Вот именно! Просто не сложилось, а не гормоны рассосались. Гормоны я проходил, понимаю, о чем ты.

- Брось эти глупости, - говорила мама, - тебе что надо? Нормальную семью создать или страдать от неразделенной любви, стихи писать и по паркам осенями бродить, как последний романтик?

Она права, конечно. И до ужаса точно выразила некогда любимые Эммой привычки.

Виктор забрал ее от мамы в начале десятого. В его машине всегда чисто, тепло и хорошо пахнет. Зачастую играет любимая музыка, но все чаще Виктор включал радио.

- Что это тебя на ретро потянуло? – усмехнулась Эмма, пристегиваясь.

- Услышал твою любимую песню Джо Дасена, да так и оставил…

Песня называлась «Салют» - точнее «т» в конце не читалась, и в переводе это значило «Привет». Виктор не знал, почему Эмма любит эту песню – как-то, услышав ее по радио, она просто сказала об этом. Никак не ожидала, что он запомнит такую мелочь.

Лирический герой встретил в кафе знакомую. Много лет прошло, а ты не изменилась. Как поживаешь? Странно, я как раз думал о тебе. Давай расскажу тебе историю. Жил-был кто-то, кого ты хорошо знаешь… и пошло-поехало. Только к концу становится ясно, что встретились два некогда близких человека, а теперь: тебе нечего сказать мне, я всего лишь воспоминание, возможно, не самое плохое. Дасен умел петь душевно, проникновенно, но при этом спокойно, а скрипки на заднем фоне добавляли надрыва. Эмме захотелось перечитать текст - давно не слышала, забыла детали. Только теперь ей вдруг подумалось, что у Макса Леонидова песня получилась очень похожей по смыслу, но совершенно иной по атмосфере. Как-то в переписке с Артуром Эмма ее цитировала, а он подхватил.

Виктор не спрашивал, почему Эмме нравится именно эта песня, и чем она лучше других у Джо Дасена. Когда-то давно она примеряла на себя образ лирического героя. В семнадцать, когда объектом ее влюбленности

был совершенно другой человек. Разумеется, и с ним не сложилось – иначе разве зацепит такая песня! И тогда, слыша ее в папиной машине по радио «Семь», Эмма подумала, что если столкнется с этим человеком спустя много лет? Какими они будут и найдут ли, что сказать друг другу? И эта простая взрослая песня так зацепила ее – юную, незрелую и едва ли слушающую что-то кроме хэви-метала. Как много из мира музыки можно упустить, не зная языков!

- Жаль, ее сейчас не передают, - вздохнула Эмма, - я бы послушала.

Она не хотела, чтобы Виктор спрашивал о причинах любви к этой песне. Он и не спрашивал, вероятно, решив, что она напоминает Эмме об осени и уроках французского. Так и оставим.

2017

Эгодрама

Когда наступала весна, Никита любил собирать друзей на шашлыки. Весна – особое время, он категорически не мог быть один. Теперь никак не привыкнет, что одиночество кончилось. Весной он родился, весной встретил Марину. Ключевые события жизни происходили именно в этот сезон. И сколько ни пенял себя Никита за самовнушение, наивность и дурь – весна действовала на него магнетически. Он верил в хорошее и ждал его. И, как правило, ожидания оправдывались.

В момент появления Марины он был разграблен прошлой любовью, поэтому ничего и никого не замечал. Отчетливо понимал, что ведет себя неважно, что девушка в кои-то веки подвернулась достойная. Она словно выпорхнула из старинных романов, где девы были чистыми, злодеи – порочными, герои – мужественными, а короли – мудрыми. Были в его жизни и раньше девушки, которые ценили его. Он же связывался с теми, по ком сходил с ума, но умопомрачение проходило, как правило, вместе с возлюбленными. Надо когда-то умнеть! И Никита решил привязать Марину к себе.

Так и началась новая жизнь.

Когда появился ребенок, стало преследовать дежа вю. Он это проходил, но забыл, как оно бывает. Если бы не крики и бессонные ночи, Никита был бы счастлив. При всей внимательности к эмоциональной сфере жена не выпытывала, что он почувствовал,

когда стал отцом, когда взял на руки сына. Она не знала, что чувство это было пережито много лет назад, но почти забыто, а потому теперь болезненно саднит новизной.

- Рыся помнишь? - спросил Санек, разгружая шампур.

- Как не помнить? Давно не видел, правда.

- Жена погибла у него, знаешь?

Никита молчал несколько секунд.

- Упала с мотоцикла и наглухо. А он жив остался. Один с дочкой. Дочке полтора года.

- Даже не знал, что женился.

- Хорошая девчонка была. Рысь байк чуть ли не даром отдает – не могу, говорит, его видеть.

- Тяжко ему с дочкой одному будет… - вклинился Серега.

- Да лучше, чем совсем одному. Один уж спился бы. А то утешение осталось и есть о ком заботиться.

Никита предложил проведать Рыся.

- А мы ему о старой жизни не напомним? – засомневался Санек. – Может, он и нас видеть не захочет?

- Не захочет, уйдем, - Никита не привык делать простого сложным.

Рысь встретил их с дочкой на руках. Девочка поразила Никиту взрослым взглядом и спокойствием.

- Наш орет как резаный, - зачем-то сказал он.

Рысь не удостоил его ответом и первым направился к дому. Друзья молча последовали за ним.

Дом погружен во мрак и кричит об отсутствии женской руки. Никита много лет видел подобное в своем жилище, но что бы так… нет, он был аккуратным и все умел, за всем следил, а вот Рысь, похоже, рукой махнул. На себя в первую очередь: длинные волосы нечесаны, борода свалялась, футболка давно не белая, джинсы измяты. Зато девчушка выглядит ухоженной.

- Элькины родичи меня видеть не хотят после случившегося, - буркнул хозяин, - точнее отец. Жесткий мужик. Мотоциклистов всегда называл не иначе как самоликвидаторы. И ведь прав! Жаль, не только сАмо…

Поставил дочку на пол и та, весело курлыкая, убежала вглубь склепа, который раньше, вероятно, был милым, чистым домиком.

- Теща хотела девчонку забрать, якобы, я в шоке и потрясении. Между строк: хреновый ты папаша. Располагайтесь, не тушуйтесь, - широкий жест и прежнее равнодушие во взгляде.

Друзья уселись вокруг липкого стола, заставленного грязными чашками.

- Бухло есть, если кому надо. Я не буду.

- Все за рулем, чаем обойдемся.

Чиркнула спичка, булькнул чайник, хвастая скудным содержимым.

- Мот, говорят, продаешь? – хрустя пальцами, начал Санек.

- Да хоть так забирай. Продавать времени и сил нет. Хрен с ним.

- Зря, папаша, деньги не помешают. Отойдешь, пожалеешь. Это тебе сейчас на все плевать.

Рысь промолчал, тяжело выдыхая в усы.

Молчали долго, не зная, как продолжить тягостный разговор. Никто из ребят не пережил ничего подобного, и постаревший согбенный Рысь в роли отца-одиночки произвел угнетающее впечатление. Никита не отдавал себе отчета, но до прихода сюда полагал, что парню нужна поддержка, встряска, дружеское участие. Можно пригласить его с дочкой в гости, познакомить малышку с их обормотом. Либо уговорить не продавать байк, вытащить проветриться. Однако слова застыли в горле, во рту как стена выросла.

- Родители-то Элькины внучку видят? – спросил Сергей.

- Кто ж им запретит? – буркнул Рысь. – Теща приходит. Хорошо хоть предупреждает. Посуду помою, полы шваброй шаркну.

Посуда в мойке горой. На плиту страшно взглянуть. Тишина осязаемая. Пустых бутылок нет, зато паутина по углам. Из окон не видно улицы.

- Донь, что ты там делаешь? Затихла, что-то затевает, - пояснил гостям папаша.

Чайник засвистел. Кто-то из ребят встал и выключил конфорку. Нашел чистые кружки в навесном шкафчике и обслужил других гостей. Через минуту вернулся Рысь с дочкой на руках.

- Похожа на Эльку, - сказал Сергей.

- Да, с каждым днем все больше, - Рысь то ли улыбнулся, то ли вздохнул, - и радует, и бередит.

Кто-то завел про развеяться-проветриться. Всплыли подробности аварии, которые, по мнению Никиты, Рысь не захотел бы обсуждать. Однако тот казался равнодушным ко всему. Ни разу не вспылил, не ругнулся, не замял бестактной темы. Никиту же волновало одно: полное имя покойной жены. Эля – слишком коротко, но неясно. Когда Рысь в очередной раз побежал ловить дочь, кто-то из ребят ответил на Никитин вопрос:

- Эльмира.

Встал, прошелся по кухне. Друзья трындели за столом, Рысь лепетал с дочкой. Никем незамеченный и никому ненужный Никита бродил по мрачному пыльному дому, натыкаясь на фотографии молодой женщины. То одной, то с мужем, то с дочкой, то втроем. Семейное фото, вероятно, одно из последних, заботливо оправлено в синюю рамку. Рысь обнимает жену, а дочь сидит у нее на коленях. Олег причесанный, счастливый, девочка в зеленом платьице и Эля с длинными волосами. Такой он ее не помнил, но сразу узнал.

В саду, когда Рысь прощался с гостями, и большая их часть уже вытекла за ворота, Никита признался, что с Элей был знаком.

- Знаю, - кивнул Олег, - но мне это уже безразлично.

Помолчав какое-то время, промолвил:

- Знаешь, что она сказала, когда мы познакомились? Ненавижу байкеров. Она еще не знала, что я один из них. И я долго выспрашивал, почему, прежде чем раскололся.

Никита молчал.

- Лучше бы и не связывалась со мной! Не зря она их ненавидела.

- Ник, че ты там трешься? – проворчал Сергей из седла.

- Иду, - ответил Никита, помахав для верности.

Рысь проводил его тяжелым взглядом, руки не подал, а дочка – действительно, так похожая на Элю, что сердце защемило, - таращила зеленые глазенки, наклоняя белобрысую головку то к одному, то к другому плечу. Никита чуть не спросил, часто ли она вспоминает маму. И что делает Рысь, когда она вспоминает. Возможно ли успокоить осиротевшего полуторагодовалого ребенка, для которого мать – все?

Многое хотелось сказать Олегу и о многом спросить – жестокие были бы вопросы, дерзкие. Потому и не произнес. Вместо прощания – кивок. И Рысь ничего не выдавил. Подхватил на руки свое сокровище и стоял неподвижно, пока небольшая колонна не скрылась в дорожной пыли.

Никита ехал последним, не видя дороги. На автопилоте, на мышечном чувстве, на многолетней осторожности. Не было сил сосредоточиться. Рой вопросов в голове, но ни одной мысли. Олегов склеп и зеленые глаза девчушки. Когда она вырастет, они потемнеют. И волосы тоже. Пухлые ручки станут тонкими, а пыльцы – длинными и ровными. Он не увидит этого чудесного превращения. Разве что через много лет встретит девушку, похожую на свою необыкновенную мать.

***

- Как Олег? – спросила Марина.

- Да, как и следовало ожидать, - на самом деле, по впечатлениям Никиты, гораздо хуже.

Жена и сын сидели на полу среди горы игрушек. Никита опустился на диван и стал молча смотреть на них. В какой-то момент Марина поймала его полный безразличия взгляд. Безмолвный диалог вытянул оставшиеся силы.

«А если бы это случилось с тобой?» - спрашивали Маринины глаза.

Он не знал, как дать ей понять, что она ему нужна и дорога. Что он не готов стать героем и растить сына в одиночку. С первым-то не справился, а парню четырнадцать в этом году. И уже десять лет его воспитывает другой мужчина. Плохо ли ему без папы? А ведь папа не на другой планете. И бывшая супруга в друзьях в соцсети.

- Я знал его жену, - сказал бездумно, «сменить тему».

Марина что-то промычала в ответ – мол, услышала, подробности неважны. А ему хотелось выговориться:

- Очень необычная девчонка. Без амбиций, в детском саду работала. Волонтером таскалась по домам престарелых и по больницам. Не тусовщица. Интересно, как они познакомились?

Трудно говорить, когда сын все время требует внимания, и Марина, разумеется, на его призывы реагирует быстрее, чем на чужие реплики. Из-за этого порой непонятно, слышит она вообще что-либо.

- Грустно. Видела Рыся с дочкой в магазине пару дней назад. Ужаснуло и тронуло. Наверное, он так любил эту Элю…

Никита вздохнул.

- А я тебя только сковываю. Все ведь не так, как хотел, правда? Ты бы справился один.

Ее слова напугали. Свои мысли – одно, а в озвучке жены – совсем другое.

- Малыш, не надо мучиться чувством вины, что у кого-то переживает такую трагедию. Нам что, должно быть стыдно быть живыми и счастливыми?

Что собственно такое счастье? Вопрос индивидуальный и философский. Привычка, довольство, покой, стабильность? Когда дома ждут и радуются тебе. Когда ты не просто нужен, а необходим. Любим. И вдруг… все зашаталось. Обещания, данные в бурю, забываются при хорошей погоде. Марина здесь, с ним, но вдруг поймет, что страсть была только бурей? Да, скорее всего, после рождения ребенка она уже поняла. А возможно, посчитала их союз ошибкой. Что если она уйдет из его жизни и уже не одна? Повторится все, что пережил много лет назад.

- Порой мне кажется, чужое горе за тем и нужно, чтобы очнуться и начать ценить свои богатства, - усмехнулась Марина.

- Да, смерть категорична и однозначна. А жить не умеет никто.

Помнится, он пытался убедить Элю в обратном. Точнее в том, что она не умеет, а он…

- Человек, не сумевший сохранить семью, плохой учитель, - ответила она.

Он не смог возразить. При его красноречии нашел бы, что ответить, но сработал фактор неожиданности.

- Сначала в своей голове разберись, а потом других учи.

Но тебя ведь тоже мучили противоречия, - хотелось выплюнуть ей в лицо, - иначе мы бы с тобой не встретились.

Промолчал. Иногда это правда мудро. У него же нет сердца. Лишь гордыня и комплексы. Непомерное эго, разжиревшее от неправильного питания.

Сын залез к Никите на колени и потянул ручонки к матери. Для него она – центр вселенной, а отец – приятное разнообразие в конце дня.

Дверь

Снежинки-пушинки – восторг! Как в детстве. Рановато, правда – последний день октября. Зато как светло и празднично! Скоро новый год. Саня все еще любит этот праздник. До сих пор наряжает елку и покупает мандарины, смотрит «Чародеев», запасается шампанским. Даже если приходится встречать праздник в одиночестве.

Шум на лестнице. Новые соседи. Квартира пустовала долго, и многие недоумевали – почему хозяева ее не сдают? Саня глянул в глазок. Крепкий седовласый мужчина и высокая девушка в белой шапочке. Таскают что-то. Площадка завалена. Саня высунулся из двери и предложил помощь. Мужчина одарил его улыбкой и от помощи не отказался. Саня накинул куртку и вышел на площадку.

Жить здесь будет девушка. Мужчина – очевидно, ее отец, они похожи. Саня вышел с ним во двор и помог выгрузить холодильник из машины. Николай оказался общительным и жизнерадостным. Дочь его, Алиса, произвела иное впечатление. Она почти не смотрела вокруг и была настолько погружена в себя, что страшно побеспокоить.

Поскольку ремонта не требовалось, заселилась девушка довольно скоро. Уже через неделю Саня по-соседски навязался на чаек.

Она работает лаборантом в институте с восьми до полудня и преподает немецкий по вечерам. Саня зацепился взглядом за книги по живописи и графике, альбомы, карандашные рисунки, разбросанные там и сям.

По утрам он видел ее в окно, когда пил кофе, собираясь на работу. Видел и вечером, когда она возвращалась с курсов. Как правило, в половине девятого или в девять, он либо слышал ее шаги на лестнице либо выглядывал в окно. Пару раз предлагал подвезти утром. Общение складывалось легко и ненавязчиво, но Алиса шагов к сближению не предпринимала.

Он мог наведаться к ней, потому что ему скучно, или предложить посмотреть вместе фильм. Заказывал пиццу и звал Алису на ужин. Большинство его друзей семейные, мало кого вытащишь, а пообщаться хочется. Алиса лишь улыбалась в ответ. Она съехала от родителей, чтобы стать хозяйкой собственной жизни. К уединению привыкла с детства, это – ее естественное состояние. Преподавание ей нравилось, но порой выматывало, потому что специальность говорливая.

- Это работа, артистизм, образ. Как на сцене. Говорят, Райкин был скучнейшим типом, а Вольф Мессинг – замкнутым человеком. Но на сцене они казались другими. Действительно проще общаться, когда есть цель.

- А я устал от целей, - Санька потянулся, - школа, институт, работа. Карьерный рост. Семья… что-то ты всем должен, а в итоге, сделало это меня счастливым?

Однажды Саня познакомил ее со старым приятелем, Владимиром. Фамилия у него смешная – Кошёлкин. Саня не вдавался в подробности его личной жизни, а домыслам не очень доверял. Да и в любом случае – ему с ним не жить, пусть девчонки сами думают. Знакомство с Алисой вышло случайно – Саня потерял штопор.

- У Элис наверняка есть, - поскольку хозяйки не было, он открыл ее дверь ключом, который девушка по-соседски ему доверила.

- А что это за девочка и где она живет?

Володя стал вытягивать подробности об Алисе: как выглядит, чем занимается. Саня списал это на привычку старого бабника и слегка напрягся при ответах. Когда речь зашла о фамилии - растерялся. Однако хватило и описания.

Когда Владимир собрался уходить, Саня стукнул в Алисину дверь. Та открыла, и сосед передал ей штопор через порог. Владимир скользнул по девушке взглядом и шаркнул вниз по лестнице. Алиса его и не разглядывала.

В начале декабря у соседки выставка в арт-клубе. Однако на творческой ниве в последнее время что-то не ладилось, и Алиса ходила кислая. Саня подбадривал ее, но что он в этом понимал? Ему понравились ее рисунки. Больше всего ее напрягала необходимость комментировать собственное творчество, разглагольствовать о десяти

смыслах одной картины. Рассказывала, каким самопреодолением было для нее первое выступление полтора года назад.

- Тебе, конечно, не понять – вышел и потележил…

- Кто знает? – откликнулся Саня, жуя печенье. – Если бы пришлось тележить о том, что сам создал… может и разволновался бы. Как приняли?

- Неплохо.

Она уходила, когда они с Владимиром заехали к Сане. Алиса уже видела Кошелкина, и сказала соседу, что знакома с ним. Они столкнулись на лестнице и разошлись, блекло поздоровавшись. Открывая дверь квартиры, Саня зачем-то завел разговор с приятелем об Алисиной выставке.

***

Алиса ехала на мероприятие в полной апатии. В прошлый раз явились-таки члены поэтической студии, и это был серьезный шаг для арт-клуба. Кто-то читал стихи или исполнял авторские песни. Она помнила все вечера. Постепенно волнение сменялось безразличием. Одно радует – поисковая система индексирует ее имя в отчете мероприятий. Народу собиралось все больше. «Звездные» креативщики подтянули свою публику.

Арт-клуб представлял собой нечто вроде квартирки с небольшой прихожей. Все крючки уже завешаны куртками. Алиса охотно поработала бы там преподавателем, но художественного образования у нее не было, а зачинатели клуба хоть и не выдавали сертификатов, преподавателей искали квалифицированных. Публика в основном молодежная, и как сюда затесался возрастной «Стихоплет», Алиса до сих пор не знала.

Ее рисунки висят на желтых стенах. Большинство ребят Алиса когда-то где-то встречала. «Литераторы» у левой стены, «арт-клубники» у правой, а пришлые – где придется. На полу ковер, у стен подушки, а в углу – чайный столик.

Звезды перетянули на себя все внимание, поэтому говорить Алисе почти не пришлось. Лишь в финале Света представила ее публике, которая в большинстве своем и так Алису помнила. Об одной из картин девушка сказала пару слов и осталась недовольна.

Каждый раз одно и то же: репетируешь дома и вроде все нейтральней некуда, а вслух и перед людьми – публичная исповедь.

По традиции, всех выступающих попросили сфотографироваться вместе. Алиса вышла, улыбнулась, как советовала ей мама, приняла картинную позу, которую давно отработала для фотографий, и, окинув взглядом «зал», увидела Кошелкина. Он сидел в углу, спрятавшись за поэтами.

Секунд пять они смотрели друг на друга. Щелкнул затвор, ослепила вспышка. Алиса моргнула и отвела глаза. Неужели он это видел?! Эту корявую бабскую картинку а-ля курортный роман, на которой так легко узнать его! Хотя изображение в профиль, размыто и слегка гротескно.

Выступавших и присутствующих пригласили на чай. Кошелкин растерялся, что для него не характерно. Зато Алиса нашлась:

- Оставайся, тебе ехать далеко. Перекуси на дорожку.

Она хотела уйти раньше, но язык не повернулся что-то соврать. Они сели вместе и молча вливали в себя чай, слушая разговоры о творчестве, политике, одаренных детях, изучении языков и путешествиях. Вышли вдвоем, в холодный снежный вечер.

- Если бы ты не сказала, когда написала картину, я бы увидел на ней себя, - его слова утонули в грохоте трамваев, но Алиса услышала.

Какое-то время они шли молча. Владимир остановился у машины, а Алиса прошла вперед.

- Садись, нам ведь в одну сторону.

- Я зайду к родителям, они здесь живут.

- Да брось, Элис! Это глупо!

- Что именно? Зайти к родителям?

Он цокнул языком и покачал головой. Машина пискнула, моргнула фарами.

- Я действительно писала тебя, - промолвила Алиса, когда Владимир открыл дверцу, - но ты вряд ли захочешь это увидеть.

- Ничего себе! – он задохнулся.

– Это не для тиражирования, этого нет в интернете, и я никогда не стала бы пытаться на этом заработать.

Он хмыкнул:

- Для личного пользования мы чиркали ручками в тетрадях в институте. И стихами баловались для развлечения.

- Если ты лучше всех все знаешь – следи за афишами, - она развернулась и пошла по тропинке.

- Ты все еще злишься на меня? Да что ты обо мне знаешь?!

Она остановилась и повернулась к нему.

- Мазилы тщательно исследуют материал, который намереваются изображать. А ты обо мне точно ничего не знаешь.

Стук каблуков по мокрому асфальту Его шаги за спиной – она скорее почувствовала, чем услышала. Но прежде чем он положил руку на ее плечо, она развернулась и бросила ему в лицо:

- Я целый год не могла вытравить из души твой яд! Слава Богу, отпустило. А теперь… не хочу тебя видеть, никогда.

Он остановился. Алиса же возобновила марш в модельных сапогах.

***

Саня встретил ее на лестнице привычной улыбкой, раскрыв объятья:

- Ну, как все прошло?

Алиса обдала его ледяным взглядом.

- Так себе.

- Что, тебя освистали и раскритиковали?

- Сань, оставь меня в покое, пожалуйста, - Алиса выхватила из кармана ключ и открыла свою дверь.

- А может, отпразднуем? Сходим куда-нибудь, пропустим по стаканчику? Раз у тебя такое настроение…

- Я хочу побыть одна. И еще: никаких Кошёлок я больше видеть не желаю, ясно? – она захлопнула дверь с такой силой, что Саня отпрянул.

Как в плохом кино. Она всегда безупречно владела собой, но в какой-то момент устала. Жизнь проходит – бестолково, неосознанно, некачественно, люди даже не слышат ее голоса. Это не состояние аффекта – она может замолчать. Она знает, когда надо остановиться. Но не хочет. Приехала сюда за одиночеством, а этот парень так и толчется под ногами, в ее квартире, в ее жизни! Навязчивый, беспардонный, не поймешь с чего радостный. А хочется побыть одной. Поунывать и пострадать, как привыкла.

Чего она о себе не знает? Никакой психолог не откроет ей Америку. Она мазохистка. И Володя – просто следствие комплекса. Вылитый отец, даже внешне. Она не принцесса. Просто неприспособленная к жизни творческая личность. Ей нужен надежный и сильный человек. И вот он – старше умнее, самостоятельнее, с неизменным желанием учить ее жизни. На самом деле эта заботливость и сила – нежелание видеть в ней человека, равного себе. Да и где его увидишь? Не странно ли – взрослая, образованная, трудоспособная женщина, наделенная равными гражданскими правами с мужчинами, признает за этим неудачником и садистом право ее воспитывать? Привет, папочка! А ведь ей не внушали, что прискачет принц на белом коне, и только в его седло она выпорхнет из-под родительского крова! Она училась быть одна. Никогда не пользовалась «звонком папе», отовсюду выковыривалась сама. Вылепила себя, повзрослела. А каково принцессам, которые не пытались? Вечные девочки. Удобно и лестно! А на деле – унижение, страх, зависимость, неоцененность.

Надо было это пережить, чтобы многое понять о себе. Теперь тяжело начать все сначала. Особенно в творчестве. Это путь борьбы, как ни крути. У нее же все не ладится, все валится из рук, не видно отдачи, не ценят, не платят. Страхи – таланта нет, ничего не получится…

Алиса включила ноутбук с диском немецкой «Экстры» и повалилась на диван. Так она любила проводить вечера и в родительском доме. Придешь с урока, упадешь трупом и пассивно перевариваешь тележвачку.

Утром Саня увидел ее, когда она шла на работу. Алиса оглянулась на его окно, и он помахал ей. Она улыбнулась.

- Сань, прости меня за вчерашнее, - сказала она, когда они встретились на лестнице вечером.

- Да ладно, пустяки, - отмахнулся он, - я и правда бываю надоедливым. Часто слышу об этом. И не обижаюсь.

Она кивнула и скрылась за дверью.

2016

© Ronnie Menschfeind
Сайт: borodulinakira.ru